

Ксения Шаманова

ДНЕВНИК
АСТРОНАВТА

Ксения Шаманова

Дневник астронавта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67877145

SelfPub; 2024

Аннотация

Это история души одного человека, который отправился в межзвёздный полёт, чтобы найти счастье. Он видит бесчисленное множество копий огромной вселенной. Он встречает людей, которые распадаются на мириады двойников-осколков. Он хочет отыскать именно ту параллельную вселенную, где всё будет правильно. Он ищет место, где больше никогда не будет тьмы. «Дневник астронавта» – это сборник стихотворений и эссе, предназначенный для неисправимых мечтателей.

Содержание

Вечность на двоих	7
На китобойном судне	9
Бабочки	11
С днём рождения	13
Мой личный космос	14
Не думай, что ты слаб...	17
Притча о любви	19
Выбор	22
Киты-соулмейты	24
Одевайся теплее...	25
Поиски	26
На перепутье	27
О кармических связях	29
Человек человеку – волк?	32
Предвозвещение	34
Луна и грош	37
Монолог души	38
Scripta manent	40
Опрокидывать тишину	42
Как завещал Шекспир	44
Л ю б л ю	46
Ловец кошмаров	49
Письмо Деду Морозу	51

Лучший день	53
В театре снов	55
Куда деваются утки, когда пруд замерзает?	57
Планета потерь	59
Хочу	62
Напиться горькой вечности...	65
Не касаясь земли	66
Письмо К.Н.	68
Быть человеческим человеком	70
Плач Элизабет (по мотивам романа Э.М.	72
Ремарка «Время жить и время умирать»)	
Помнишь?	74
Лето	76
Письмо лучницы	78
На ракете в свой маленький космос	80
Танец на воде	82
Vita brevis	84
Воссоединение	86
Диалог с...	88
Бой	90
Раненый джинн	92
Удивительный друг	94
Жизнь вопреки	96
Хранители светотепла	98
Хочу к тебе...	101
Любить врага	102

Твой щит	104
Письмо	106
Не выходи из комнаты	109
Держи равновесие	110
Сонет	111
Не сдавайся	112
Колыбельная	114
Не останавливайся	116
Исключительное право	118
Время стать соулмейтом	120
Пепел	121
21 грамм бессмертия	123
А если весна не наступит...	124
Титры	126
Зажигая в крови моей солнце...	128
Зарождение надежды	130
Я	132
Твоё имя	134
Капля камень точит	136
Иди	138
Печальные клоуны	140
Всё уже в нас	142
Побег Герды	144
Остановите время	146
Автор и герой	148
Чистый лист	151

Story	153
Сон короля	154
Не в ритм	157
Ведьма	159
Человеком мне быть...	162
Разговор с Богом	164
В толпе	167
Мне очень жаль	169
Луна догорает, как спичка в руках пилигрима...	172
Бесы на воле	174
Здравствуй, юность...	175
Вопреки правилам	177
Гостья	180
Стать	182
Всё проходит	184
Игра в шахматы	186
О счастье	188
Мечта	191
Impression	193
Если бы	194

Ксения Шаманова

Дневник астронавта

Вечность на двоих

Торжественная пауза прерывает дыхание одинокого вечера. Я разглядываю ладони, прислонившись спиной к холодному стеклу. Кажется, бесконечные путанные линии не имеют начала и из этого лабиринта никому не выбраться.

Мириады столкновений в ежедневной пародии на невестомость. Случайные взгляды и прикосновения, застенчивые «извините» или нахальное «дайте пройти». Людей так же много, как звёзд на небе, и эти вечно недовольные и постоянно куда-то опаздывающие существа тоже могут образовывать созвездия. Верят, что встреча в открытом хаосмосе – это знак судьбы. Хитроумная, как Одиссей, она ищет причины для пересечений и, как Арахна, плетёт новые лабиринты, заманивая в крепкие сети голодных странников. Привлечённые светом, они жадно бросаются к источнику и иногда остаются. Сапоги, брошенные на пороге, создают иллюзию разделённой на двоих вечности.

Но, когда колдовство рассеивается, созвездие распадается, а звёзды теряются, прячась друг от друга на разных кон-

цах гигантской Вселенной.

На китобойном судне

«Раздроблен изнутри, на ощупь твёрд»,
Сбегает в небо одинокий кит,
Никто тебя от смерти не спасёт,
От самого себя не защитит.

На китобойном судне мчится жизнь,
И чёрно-белым кажется весь мир,
Но если отыскать большую кисть,
То можно выходить в прямой эфир,

Сражаться с однотонностью дорог,
На перепутье выбрать сложный путь,
Бороться, зная, что всему свой срок,
И время невозможно повернуть.

Брать микрофон, кричать, что боль уйдёт,
И красить стены в яркие цвета...
Ведущий на экране устаёт,
И скоро всё исчезнет без следа.

Придут другие, новые киты,
И может быть, они забудут нас.

Шуршат от ветра чистые листы,
А чёрной ручкой пишется рассказ.

Бабочки

– Привет. Ты в порядке?

Бабочка доверчиво засыпает на плече юноши... Наверное, ей так и не суждено узнать, что этот сон будет длиться дольше, чем жизнь.

– Конечно, я в порядке. Разве может быть по-другому? Я так счастлива! – девушка растерянно кусает губы и прижимает ладонь к груди. Пытается уловить хоть какой-нибудь одинокий звук, но внутри её слабого тела нет ничего, кроме безобразной тишины. Инсектарий опустел: все чешуекрылые отправились в рай.

– Тогда я рад за тебя. Вот... пришёл... попрощаться, – подпирает ладонью голову, похожую на раскалённый шар, и трёт лоб, точно пытается стереть воспоминания. Юноша носит с собой кладбище невысказанных мыслей и ложных надежд. На могилах больше не вырастают цветы, и только неугомонные вороны кружат над памятником, поставленным в честь самой последней мечты.

– Ты куда-то уезжаешь? – девушка роняет потрёпанную книгу. Прижимает ладонь ко рту, но не удерживает; склоняет голову и выдавливает улыбку – так же старательно, как остатки зубной пасты из тюбика.

– Ага. И едва ли когда-нибудь вернусь. Знаешь, я так

счастлив, – откидывается на спинку стула. Прячет руки в карманы и отворачивает лицо. За окном кто-то играет на гитаре, но почти невозможно разобрать слова слишком печальной песни...

– Тогда... удачного пути, – застывает на несколько мгновений у подоконника. Подушечки пальцев щекочут пыльное стекло. Девушка зажмуривается. – И прощай.

– Спасибо, – делает несколько шагов назад. – А тебя я... поздравляю. Завтра особенный день в твоей жизни. Надеюсь, твой будущий муж никогда не причинит тебе боль, – голос дрожит в такт фальшивым нотам за окном. Юноша скрещивает руки на груди. Скрипит измученная дверь...

Вечность неповторимым узором замирает на крыльях спящей бабочки, но не выдерживает сильного порыва ветра и распадается на атомы, превращаясь в Великое Ничто.

С днём рождения

Когда звёзды погасли, луна утонула в море,
Крыши бледных домов забывались во снах беспробудных,
Потеряв счёт минутам, шептала весна на повторе
О потерянном рае на пыльных дорогах безлюдных.

В одиночестве – нет равновесия– мысли теряются,
Фонари освещают (но греют ли? очень сомнительно).
И словами, как снегом, слепые безумцы бросаются,
Прогоняя весну, точно совесть: страшна и мучительна.

Поздно вечером – холодно, сыро – но всё-таки кружится
Мотыльком в темноте воспалённая чья-то фантазия,
Появился маяк и смотритель, густая тьма рушится,
А у зла и добра снова шум, суета, разногласия.

Хрупкий свет быстротечен, как время, мы прокляты фатумом,

Поздравляю. Будь счастлив. Любви. Впереди – возрождение.

Солнце падает в яму, что между востоком и западом,
Маяком для других будешь ты. Не сгорай. С днём рождения.

Мой личный космос

Когда я открываю глаза, небо над головой кажется таким же мягким, как плед: хочется протянуть руку, коснуться и укутаться... Провести невидимые линии по шершавым облакам. Подушечки пальцев сохраняют прикосновение и бережно закроют на ключ шкатулку воспоминаний.

Прячу лицо в душистой траве, омытой солнечным дождём, и в эту минуту всё становится таким простым – постижимым – на кончиках ресниц застывают робкие слёзы вселенной. Может быть, формула счастья – это звенящий смех после беззвучного плача? Двойная радуга надо мной – это мост, который однажды придётся пройти до конца. Любая дорога неизбежна, когда ты всё ещё наполнен сиянием жизни.

Прислушиваюсь к мелодичному шелесту стрекоз. Кажется, не только я, но и незримые боги ветра невольно задерживают дыхание, наблюдая за смелыми танцами милых подруг моей вечной юности. И жилки на прозрачных крыльях напоминают переплетённые линии на ладонях. Наше таинственное родство – отнюдь не случайное совпадение в паутине бессмертия.

Поднимаюсь – солнце освещает извилистую тропу – обжигаю ноги (обувь – оковы, которые лишают бесценной сво-

боды), бегу к реке и опускаюсь перед ней на колени. Прими эту безмолвную молитву – не бойся моего человеческого обличья – я сестра твоя, и по нашим жилам течёт одна и та же серебряная кровь.

Сажусь в любимую лодку и начинаю долгую прогулку без пункта назначения – ведомая лучами-нитьями смеющегося солнца, похожего на волшебный клубок. Когда берёшь в руки вёсла, представляешь, будто за спиной раскрываются крылья... И в такие мгновения понимаешь, сколько усилий нужно приложить, чтобы однажды взлететь к небесным вершинам. Хочется разбивать страхи на тысячи осколков, как старую фарфоровую чашку, во имя красоты, добра и любви.

Я вижу человека на берегу. Он играет на ханге, и мне кажется, что эти танцующие звуки способны исцелить любые раны. Не решаюсь заговорить, потому что не хочу прерывать музыку – наслаждаюсь издали. Мы, конечно, виделись раньше, но я почему-то никогда не могу запомнить выражение его лица...

После прогулки прячусь в хижине, затерянной в глуши, возле скульптуры в виде ленты Мёбиуса. Если решитесь заглянуть в гости – буду рада, но знайте: здесь нет места вражде, ненависти и жестокости. Я создала свою хижину с помощью энергии ослепительного света и пламенного добра.

Сажусь за письменный стол, старательно вывожу буквы на страницах пожелтевшей тетради и снова вычёркиваю... Не ради совершенства (это лишь скучная выдумка, и я больше

не хочу становиться пленником мнимых эталонов), но ради опрокидывающей искренности. Быть предельно честным – так глупо и прекрасно.

За пыльным стеклом скользит по уставшему небу последний упрямый луч. Красное колесо скрывается в чертогах нежного покоя. Наступает вечер – и мне снова хочется танцевать. В эту едва уловимую миллисекунду встречаешься с собственным двойником – настоящим и освобождённым. Душа выбирается из телесного плена и снова поёт... о тысяче бумажных журавликов, которые однажды спасут наш стоящий на краю пропасти мир.

Не думай, что ты слаб...

Не думай, что ты слаб,
Пожалуйста, борись,
Всё это лишь этап,
Всё это только жизнь.

В объятиях зеркал
Терять своё лицо,
Я знаю, ты устал
Во ржи искать ловцов.

Над пропастью – взлететь,
Касаться звёздных рун,
Не бойся не успеть
Взять штурмом высоту.

И даже вопреки
Не прекращай сиять,
Затмив все маяки,
Не вздумай проиграть.

Твой голос – тишина,
Твой взгляд – слепая ночь,

Когда взойдёт луна,
Душевный мрак отсрочь,

А лучше – прогони
И снова будь собой,
Придут другие дни
И смоят боль волной.

Послушай, как силён,
Сам для себя ты щит,
И для Любви рождён,
Как для Свободы – кит.

Не думай, что ты слаб,
За терниями – рай,
Не бойся – невпопад,
Круши и созидай.

Притча о любви

Ночь накидывала тёплый плащ на обнажённые плечи города. Смиренные жители засыпали в тесных кроватях, прячась под одеялами, как тревожные зверьки – в норках. И можно было позавидовать олимпийскому спокойствию иных существ, умеющих забываться бесцветным сном до очередного звона будильника.

Мартин не мог – он бодрствовал несколько длинных ночей подряд. Пробовал встать на колени, склоняя голову к сложенным вместе ладоням, и молиться тому танцующему богу, в которого всё ещё немного верил. Но ничего не происходило, и, казалось, ничто не могло разрушить даже самую хрупкую тишину в этой маленькой комнате, освещённой единственной лампочкой.

Однажды, когда бедный человек обвинил молчаливого собеседника в беспощадном равнодушии, случилось долгожданное чудо. Мартин отчётливо услышал немного охрипший и недовольный голос:

– Неужели тебе до сих пор не ясно, глупый человек? Люби!

– Но кого? И как? И вообще, я же многих люблю... – залепетал Мартин, облизывая пересохшие губы. Однако никто больше не собирался продолжать скупой диалог.

Мартин решил во что бы то ни стало научиться любить.

Он наконец-то полюбил жену. Он полюбил товарищей-коллег. Он полюбил бродячую собаку, которая постоянно лаяла под окном. Он полюбил нахамившего ему начальника. Он полюбил врага своего, как <...>

Но почему-то никто не полюбил самого Мартина в ответ. Люди пользовались добротой и любовью удобного человека и бросали – мимо урны – как ненужную влажную салфетку.

И снова ночь накидывает тёплый плащ на горбатую спину города, и тревожные жители замирают в тесных берлогах. А Мартин опять не может уснуть: встаёт на колени, склоняя голову к сложенным вместе ладоням, и срывающимся голосом оглушает пустоту. Он всё ещё пытается достучаться до того танцующего бога, в которого уже почти не верит:

– Я всё делал так, как ты говорил! Я полюбил жену, коллег, бродячую собаку, начальника и даже своего врага! Но ничего не изменилось! Мне стало только хуже! – Мартин принялся плакать от жалости к самому себе. И снова он услышал тихий и разочарованный голос:

– Как же ты глуп, человек! Как же ты глуп! Подойди к зеркалу.

Мартин поспешно вскочил на ноги. За толстым слоем пыли он едва мог разглядеть собственное осунувшееся лицо

– Что ты видишь? – послышался строгий вопрос

– Своё отражение, – пожал плечами Мартин. Он стёр пыль

рукавом и только сейчас заметил тёмно-фиолетовые круги под глазами и паутину морщинок на лбу. В волосах запутались тонкие серебряные нити.

«Неужели это... я? – хотелось кричать глупцу. – Когда это я успел так... постареть? И это что, седые пряди?» – он отшатнулся от зеркала и закрыл лицо руками.

– Ты дурак, Мартин, – с тяжёлым вздохом сказал мудрый собеседник. – Ты видишь того человека, которого и должен был полюбить.

Очередной звон будильника. Робкий солнечный луч стучится в окно, приветствуя тёплое весеннее утро. А жизнь, кажется, продолжается...

Выбор

За путеводной звездой на востоке
Шли поклониться волхвы-пилигримы,
Странники знали, что люди жестоки,
Чуда боятся и неисцелимы.

Горькая смирна – страданий предвестник,
Золото – власть и печальная слава,
Ладан – дар Богу, но видит кудесник,
Что неминуемы суд и расправа.

Преданный другом, покинутый всеми
Путник-мечтатель с дороги не сбился,
Будет присматривать с неба за теми,
Кто обособился и заблудился.

Будет присматривать... Чувствуешь, ночью
Стало как будто немного теплее?
Кто-то зовёт за окном: «Авва Отче!»
Может, и я стану лучше... (сильнее)?

Некогда в тёмном саду Гефсиманском
Поцеловал Его слабый Иуда.

Был ли прощён? Ранним утром январским
Просит изгнанник любви и приюта.

Все говорят: Рождество дарит счастье,
Чудо случится, удача вернётся,
Даже страдальцев, разбитых на части,
Крыльями ангел незримый коснётся.

Был на Голгофе, наверное, каждый,
(Кто – палачом, распинающим жертву,
Кто – гордой жертвой, мечты не предавшей...)
И выбирал между тёмным и светлым.

Киты-соулмейты

Говорят, когда умирает кит, его тело опускается на дно океана. Но даже после смерти он продолжает приносить пользу другим жителям. Всегда находятся черви, которые прикрепляются к мертвецу и выживают только благодаря ему. С каждым днём китов становится всё меньше, потому что их естественная смерть – редкость. Самые разумные на земле существа, сотворённые по образу и подобию Бога и названные Им «венцом творения», убивают китов. Это не считают преступлением. За это не садят в тюрьму.

А ещё люди убивают людей, потому что человек человеку – волк. И это тоже иногда остаётся безнаказанным. Когда кого-то ударяют по одной щеке, тот почти никогда не подставляет другую, потому что у него есть свои шипы и он с детства научен только нападать и защищаться.

Речь действительно идёт о самых разумных существах, а киты занимают второе место согласно очередной убогой статистике. Однако они готовы пожертвовать собственной жизнью ради того, чтобы спасти родственную душу.

Одевайся теплее...

Одевайся теплее, держись и вдыхай глубоко
Этот призрачный день и немую безлунную ночь,
Твой естественный внутренний свет ярче всех маяков,
Тьма не может быть вечной: однажды она уйдёт прочь.

Я не буду скучать в ожидании робких лучей,
Я сама могу ярко, как солнце, над миром светить,
Здесь, конечно, немало жестоких и странных вещей,
Слишком многое надо принять и нельзя изменить.

Оставайся собой: очень скоро наступит та жизнь,
Когда ты перестанешь в холодные дни замерзать,
Идеальным быть скучно: рискуй и опять ошибись,
Добивайся побед, но позволь иногда проиграть.

Кто сказал, что счастливым быть сложно? сложнее – ценить,

что имеешь сейчас, нам не надо с упорством стальным
Покорять Эверест, чтобы этим других удивить,
Быть достаточно просто живым, до предела – живым.

Поиски

Здравствуй, тихая грусть. Бесконечное лето всё-таки добралось до развязки, и в душе начинается листопад – чуть раньше, чем за окном... Солнце разбрасывает лучи на неприютную землю, но не согревает ладони, когда я пытаюсь наполнить их светом. Через меня струится вечность, и сердце, сплетённое из васильков, бьётся сильнее, когда руки касаются небесной скалы.

Я ищу. Продолжаю искать... своё крохотное место в огромном космосе. Но билеты распроданы, в зрительном зале тесно, а на сцене показывают чересчур пошлую комедию. За пределами театра голодный ветер растаскивает по частям чью-то мечту. Где же теперь... моя?

И я ищу. Маленький домик у безымянного ручья, где до сих пор дремлет, втянув голову в плечи, моё упущенное время.

На перепутье

Я скиталась по диким лесам,
Наблюдала за танцем стрекоз,
Мудрый сокол парил в небесах,
Засыпала луна среди звёзд.

Тихий шум ледяного ручья
Убаюкивал призраков тьмы,
И стрелял из немого ружья
Седовласый туман-богатырь.

Сиротливо сжимается лист,
Слёзы ивы тревожат мой слух,
У сердечной тоски нет границ,
Где же мне отыскать тебя, друг?

Я простужена горькой мечтой
И стою у сплетения троп,
Только мысли гудят вразнобой,
После нас не случится потоп.

После нас... Где же прячется смерть?
Вдруг поймут и даруют покой?

Не поймут и не будут жалеть,
Продолжаю искать путь иной.

А пока твоя лютня молчит,
Чудных песен не слышно вдали.
Эта ночь поднимает на щит
Злую горечь бесплодной земли.

О кармических связях

Разве не напоминает путь Неба натягивание лука?

Лао Цзы

Разве жить – это не значит собирать стрелы, выпущенные неосторожными лучниками к нашим ногам? Каждый человек, который робко заглядывает в твою жизнь или, напротив, эффектно появляется на пороге, оставляет после себя запах, звук, цвет. Кого-то невольно заучиваешь наизусть и сможешь продекламировать; иных не подпускаешь и на шаг, выталкиваешь из личного пространства, не желая больше лицезреть в числе незваных гостей.

Невозможно распутать клубок хитроумных симпатий и антипатий, и ты никогда не найдешь правильные слова для ответа на риторический вопрос: «Почему именно он?» Легче вскипятить тишину, чем вытолкнуть из себя звук.

Да, мне тоже встречаются люди, не вызывающие теплого чувства, хотя я не понимаю, за что их недолюбиваю. Это не поддается объяснениям разума, а существует на тонком интуитивном уровне: вроде бы едва уловимо, но вполне осязаемо. В таком человеке раздражает все: походка, улыбка, одежда, манера говорить. А иногда и лицо кажется вполне привлекательным, вот только есть в нем какая-то отталкивающая черта. Или отвратительная вибрация в мелодичном

голосе.

Ты стараешься сталкиваться с ним как можно реже, потому что тебе неприятно испытывать презрение (иногда приходит тяжелая вина за собственное несовершенство). Череда столкновений приводит к натянутому обмену любезностями; никто не собирается признаваться, что антипатия взаимна – нелепо озвучивать трюизмы. Волны, во власти которых вы оба находитесь, уже нашептали ответы на фальшивые подергивания уголков губ, и вернее разойтись, чем продолжить бессмысленную игру.

Однако лучше поговорить о противоположном: ты ещё ничего не знаешь о человеке, но заранее чувствуешь к нему расположение. Магическая притягательность лишает органов зрения, и тебе совершенно наплевать на видимые недостатки лучника. Я помню, как не могла объяснить, почему новый человек – неординарная личность для меня. Тот, кого один назовет «обычным», может стать лучшим для иного, потому что круговорот симпатий так же не подчиняется законам логики, как и антипатий.

Я верю в кармические связи, прошлые жизни и реинкарнации. Думаю, практически все, с кем нам довелось делить очередной век, уже проходили мимо, задевали плечом и наступали на ногу. Быть может, с тем весьма неприятным типом, самоуверенно попивающим кофе за соседним столиком, вас связывали прежде не самые теплые отношения: вы боролись за трон, сражались на шпагах, были палачом и

жертвой, рабом и господином... Те же, с кем чувствуешь притяжение, – совсем другое; ваша встреча – взрыв, кораблекрушение, треск падающего солнца. С такими лучниками тебе все еще хочется переродиться, чтобы иметь возможность держать за руку и следовать рядом. Пока не вырвешься из колеса сансары, твоя сбивчивая мелодия не прекратится, личная гармония не установится, но если приходишь вновь ради predetermined встречи и находишь, борясь за нее до конца, то можно существовать и без выхода.

Человек человеку – волк?

Мы держим дистанцию – в страхе скрываемся,
Не в вирусе дело, мы просто спасаемся
От боли, которую сами придумали,
Мы жаждем казаться такими разумными,

Что смех пробирает, а верить-то не во что,
Прощенья у Бога просить вроде не за что,
Боимся стать кем-то другим прирученными,
И мы не хотим снова быть побежденными.

Привязанность губит открытое сердце,
Никто ведь не пустит надолго погреться.

Да, волк человек человеку, и точка
Тебе повезло, если ты одиночка,
Но волки готовы проклясть тишину,
Однажды завоюет, как волк, на луну
Какой-нибудь странник в столетнем изгнании,
Который всё ищет ключи к мирозданию,
Но только ему ничего не найти,
Так к гибели сами летят мотыльки.

Не справимся по одному, нам бы сблизиться,
Сбегать друг от друга – такая бессмыслица.
(а волки умеют любить до последнего,
но люди считают подобное бреднями).

Как это случилось: у диких зверей
гуманности больше, чем в мире людей?

Предвозвещение

Слышишь, как дождь шлёпает босыми ножками по крышам, даже не боясь простудиться? Щедро одаривает угрюмых одиночек жемчужинами... А они морщатся в ответ, недовольно ворчат что-то себе под нос и продолжают свой длинный путь в никуда. (И зонтики не спасают от безысходности).

Приходи, если хочешь скрыться от лиц, изувеченных злобой. Будем наблюдать за танцами отчаянного непоседы из окна и слушать гул его аплодисментов в полупустом зале. Аплодирует или всё-таки смеётся над нашими заячьими душами?

Сегодня мы будем пить малиновый чай, вспоминать вчерашние дни, играть старые песни... А потом вдруг закончится музыка, и ты услышишь, как неловко присаживается на струны новая жизнь. Напоминает о бесконечности правил, которым ты будто бы вынужден подчиняться, потому что нельзя отличаться от других и громогласно заявлять о своих правах. Обыденность истошным воплем чайки врывается в уши, а ты всё ещё сопротивляешься, потому что не желаешь становиться жертвой. (Но ведь тебя и не спрашивали. Ты вообще лишаешься права голоса).

Мысли вонзают шипы в чувствительную кожу сознания,

но на месте кровавых пятен, возможно, однажды вырастут розы. Главное не забывать: cogito ergo sum, иначе превратишься в вербальный нолик. (Помнишь, что было в Начале? Смерть приходит в тот миг, когда мы окончательно утрачиваем слова).

А думаю я всё об одном. Есть вот такое потрясающее словесное произведение. Имя ему – предназначение. Никак не могу разобраться, кто и куда нас назначил. И если верить приставке пред-, таинственный обряд был совершён задолго до момента нашего рождения. А если мне не нравится? Если я не хочу? Дайте возможность выбирать! Не надо острыми ножницами отрезать наивные надежды...

Хм, сомневаюсь, что Там меня кто-нибудь слушает. Ещё Поэт в жёлтой кофте требовал снять перед ним шляпу, но...

*Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звёзд
огромное ухо ¹*

Предназначение – предубеждение – предчувствие – предвозвещение... Вот оно! Если никто не предвозвестил нас о нашем предназначении, значит, мы всё ещё свободны. Значит, фраза «я всё равно не...» – это лишь акт самоуничтожения.

---

¹ В. Маяковский «Облако в штанах».

Значит, продолжим драться с судьбой врукопашную и, кто знает... вдруг победим?

Чай остывает... Пей.

Луна и грош

сидим вдвоём, ругаемся на время,
на незнакомое, младое племя
и говорим заведомую ложь,
над головой – луна, в кармане – грош.

за отречение от идеалов,
сизифов труд и грубость ритуалов
приглашены на чёрный эшафот,
откуда нас никто не заберёт.

мы топим грусть в серебряном бокале,
*memento mori et nil admirari*²,
как блюдце, разбивается мечта...
в груди нет сердца, на груди – креста.

---

² помни о смерти и ничему не удивляйся.

Монолог души

Я снег на твоих ресницах. Застываю на пару лживых мгновений и стекаю по скользким щекам, едва удерживая равновесие. Засыпаю на твоих потрескавшихся губах. Остаюсь воспоминанием о неслучившемся поцелуе.

Я мурашки на твоей встревоженной коже. Устраиваю сумасшедшие гонки, как будто от их исхода зависит цвет твоего будущего. Когда ты закрываешь глаза, раскидывая руки в стороны и подпевая любимым исполнителям, я падаю в эту песню. Так счастливый ребёнок кидается в умытую дождём траву и слушает биение пока ещё маленького сердца... Когда-нибудь он печально улыбнётся, воссоздав в памяти навсегда упущенный момент.

Я – припев, я всегда повторяюсь, даже если ты закрываешь уши ладонями. Любая песня когда-нибудь заканчивается, но только не я; я снова начинаюсь и...

продолжаю до бесконечности.

Момент моего рождения запечатлён в том далёком пространстве, где возможно пересечение параллельных прямых, уже утративших надежду на долгожданную встречу.

Я нежная боль, живущая под твоими рёбрами. И если бы не ты, я никогда бы не заражалась вирусом гнева и уныния. В такие моменты гигантская крепкая рука выбрасывает меня

из уютного пристанища. И тогда мне приходится танцевать, царапая острыми каблуками паркет твоего слабого сердца. Не волнуйся: я не хочу причинить тебе вред, только напомнить: в твоём уставшем теле всё ещё много жизни. Пользуйся, чёрт возьми! О чём ты только думаешь?

Я та энергия, которая всё делает одушевлённым. Пленник твоей ненадёжной крепости. Знаешь, даже когда она разрушится, не выдержав ледяного дыхания времени, я останусь. Возможно, мы ещё встретимся; возможно, я выберу новую крепость, но так ли это важно?

А сейчас замолчи, закрой глаза и прислушайся...

Слышишь, как всё тленное и ненастоящее уступает место бессмертию?

Ветер за окном звучит скрипичной сонатой.

Scripta manent

рассвет врывается в сон,
без стука входит мечта
и всё твердит об одном,
что смерть придёт без лица,
что человек-мотылёк,
стремясь на свет от луны,
вдруг беспробудно уснёт
под хриплый шёпот судьбы.

мы будем вечно летать,
жить, не касаясь земли,
продолжим тихо мечтать
и видеть чудные сны.
безумец выпустит птиц
из тесных клеток-сердец,
опять поднимутся ввысь –
туда, где всем хватит мест.

а нам не глупо ли ждать,
что нас однажды поймут,
писать о вечном в тетрадь
и верить в собственный труд,

упрямо ткать новый смысл,
зачем-то тратить слова?
да, *verba volant*, увы,
но *scripta manent*³ всегда.

---

³ слова улетают, написанное остаётся.

Опрокидывать тишину

Quod licet Iovi, non licet bovi⁴.

Так говорят мудрецы, но... что, если попробовать посягнуть на шершавую вечность, попросить у Бога краюшку хлеба и кружку молока, забраться в бочку, как один самоуверенный философ, и укутаться мечтой, словно пледом? Встать поутру, наполнив внутренним светом лукавый земной шар, найти старую лодку (в надежде, что выдержит) и отправиться в путешествие. Куда приведёт этот путь и что станет конечным пунктом назначения? Никто не смеет разгадать таинственный смысл собственного финала, и даже если впереди – пустота и мрак, я обязательно напишу эпилог о долгой и счастливой жизни для каждого из нас.

Уверовав в воскресение измученной души, бросаешь тревожный взгляд на прежний дом и сжимаешь вёсла. Так непривычно, тяжело и больно. Скоро появятся мозоли, и в какой-то момент захочется упасть навзничь и позволить течению сделать выбор за тебя. В такие моменты, пожалуйста, не закрывай глаза и посмотри наверх. Помнишь, как ты мечтала подружиться с этими легкомысленными звёздами, взять за руку одну из них и обнять, не боясь обжечься?

---

⁴ То, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

То, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

Так говорят мудрецы, но почему бы не рискнуть, не пойти ва-банк? Ведь даже посох и сума легче, чем...

бездействие равно распад равно тяжёлый груз сожалений о необратимости времени. Притаившаяся тоска на сторбленных плечах твоей уходящей жизни. Возможно, ты получишь ещё один шанс, но уже не здесь и не сейчас, да и кому дарована способность быть хранителем расщеплённых воспоминаний? Они разбросаны по столетиям, как пазлы, из которых невозможно собрать целую картинку, потому что всегда не хватает детали... Поэтому прими в дар волшебную флейту из рук сегодняшнего дня и играй, даже если никогда прежде этого не делал. Быть может, наше назначение на земле – опрокидывать тишину?..

Как завещал Шекспир

Пристыженного скептика нелепый монолог,
Хтонических божеств безрадостная встреча,
Оставшийся в живых помешанный игрок,
Уверен в том, что время правда всех излечит.

Любовь, как спичка, гаснет в ледяных руках,
Ты где-то далеко, в какой-нибудь вселенной,
Не нужно больше ждать, останется в веках
Жена царя Итаки с верностью безмерной.

Я точно обойдусь, бесславно возвратясь,
Как пеной, захлебнусь своим последним словом,
Разрушили свою кармическую связь,
По разным берегам мы разойтись готовы.

По разным берегам – будь счастлив, полыхай,
Греш и забывай моё чужое имя,
Я следую судьбе – дорогам белых стай,
Не надо догонять, ведь эта боль остынет.

Послушай, мы могли перевернуть весь мир,
Могло быть всё счастливей, чем у Сиды с Нэнси,

Трагический конец, как завещал Шекспир,
(я до сих пор Тебя –)
Для двух сердец уместней.

Л ю б л ю

предрассветный полёт над крышами многоэтажных домов.

запах росы в спутанных волосах вселенной.

тихий голос шепчет о возможности невозможного и бессмертии смертного.

слушаешь пение пробуждённого ветра – и ощущаешь, как где-то под рёбрами зарождается чувство...

космическая влюблённость в каждый фрагмент неуловимой вечности.

л ю б л ю

слова, парящие над сачком, как обречённые бабочки, которые не хотят становиться пленниками.

начало игры в пинг-понг в поисках нужной строчки.

случайное соприкосновение, предопределяющее бумажное будущее обнявшихся букв.

л ю б л ю

осторожные звуки, которые приглядываются друг к другу издали, а затем медленно приближаются на мягких кошачьих лапах. и наконец узнают, берутся за руки, становятся неделимым элементом, а всё остальное утрачивает значимость. остаётся только музыка, и она не исчезнет даже после апокалипсиса.

музыка...

мой личный защитный панцирь, не позволяющий со-
рваться в пропасть даже при сильном порыве ветра.

л ю б л ю

горящие глаза и охваченные

страстной

жаждой

жить

сердца

соулмейтов.

свободные и непокорные избранники, не устающие меч-
тать.

однажды эти мечты сумеют разрушить даже самые креп-
кие стены.

и мне хочется обнимать мечтателя и говорить ему простые
слова: «ты так красив (-а)».

л ю б л ю

тот потрясающий сад, который возделывает каждый из
нас ежедневно – ежеминутно,

каждую паузу наполняя чудом и верой.

это и есть тот самый земной космос, который уже не ка-
жется недостижимым.

л ю б л ю

каждого странствующего шамана.

и

в е р ю, что все пилигримы однажды встретят рассвет на
пороге
родного,
уютного,
тёплого
дома
не в одиночестве.

Ловец кошмаров

Человек – лишь клубок,
паутина,
ловец кошмаров;
неисповедимы пути
и непредсказуема судьба.

Слова – оболочка, которая будто бы греет,
но цепкие щупальца сдавливают кусок в форме сердца и
лишают права на дыхание.

Плыть, раскидывая мысли в стороны, рассекать руками
чёрную воду,
грезить о невозможном...
ради чего, если
в нас так мало настоящего
и так много выжженной грусти,
отцветших роз в грудной клетке
с мёртвыми птицами?

Одиночество – причина
и следствие самых безумных идей творца.
Вечность засыпает в капельках дождя на стекле и
шёпоте пугливых стрекоз.

Кажется, разучились танцевать.

И, может быть,

Навсегда,

Навеки.

О моё утраченное небо!

Как бедная бабочка, пойманная в сачок,

Ты проколото иглой безнадёжности.

Смерть всегда соседствует с жизнью, а жизнь

есть боль,

боль и любовь.

Нельзя запереть ветер,

он кусает мочки ушей

капризных облаков и вышагивает по мостовой,

что в самом центре Вселенной,

и наблюдает с полупрезительной ухмылкой на бледных

устах...

Наблюдает за каждым из нас,

отринутым Богом.

Письмо Деду Морозу

Что ж, привет, или здравствуй. Могу говорить неформально?

В детстве было всё проще, я знала, что ты самый мудрый, Дорогой Дед Мороз (или – Бог), у меня всё нормально, Если снова пишу, значит, всё же надеюсь на чудо.

Сделай так, чтобы стала сильнее и крепче, как камень, Даже если пытаться – никто никогда не разрушит. Знаю, надо всё вынести, будто тяжёлый экзамен, Я почти научилась молчать, когда требуют слушать.

Дай мне силы держаться над пропастью в трудное время, Никого не винить, просто люди – разносчики боли, Уходить, отпускать и с улыбкой прощаться со всеми, Кто играл в моей жизни когда-нибудь главные роли.

Я нахально прошу тебя: дай мне забыть все обиды, И зарыть те слова, что казались всесильными, в землю, Попросить правосудия у беспристрастной Фемиды, И остаться собой, а не чьей-то пугающей тенью.

Дорогой Дед Мороз, дай мне мужество двигаться дальше,

Пробуди спящий разум, ведь сердце схватило простуду,
Научи чистить правду, как лук, от обмана и фальши,
С Новым годом, прощаюсь. (Я буду готовиться к чуду).

Лучший день

Сегодня нам можно широко раскинуть руки, не рискуя быть распятыми. В тот момент, когда распахнулись двери в другую вселенную, для нас наступил личный май. Свежий ветер мягкой кошачьей лапой путает волосы, целясь в лицо. «За что эти незаслуженные пощёчины?» – пытаешься отомстить, сжимая слишком слабые кулачки. «Пощёчины всегда заслуженные», – отзывается капризный упрямец.

Сегодня нам можно наконец-то преодолеть это бешеное расстояние и стать сильнее, разбив фарфоровый мир вдребезги. Заваривать чай на кухне, смахивать пыль с подоконника и подпевать любимым песням. Никто не посмеет обвинить нас в том, что мы нарушаем чужое спокойствие. Чувствуешь, как прямо сейчас мы становимся неуязвимыми?

Сегодня нам можно ходить босиком по траве и обмениваться бессмысленными репликами. Слушать дыхание родственных душ – и отзываться эхом. Распугать утренних птиц на крыше многоэтажного дома. Протягивать руки к солнцу и прославлять наш личный рай.

Это тот самый день, когда с твоего сердца снимается толстый слой грима и ты снова можешь дышать в полную силу. Не существует никаких ограничений, когда перестаёшь быть пленником чужих драм.

Сегодня нам можно не слушать никого, кроме самих себя. Не оглядываться, переступая порог, ведь там, за спиной, не остаётся ничего, за что стоило бы держаться. Не бояться замёрзнуть, потому что прямо сейчас приходит время только для тёплых дней. Не вспоминать, но и не тревожиться о будущем.

Сегодня нам можно просто жить.

В театре снов

Дышу луной в театре снов,
Остановив движенье звёзд,
На чашу сломанных весов
Я возложу немой вопрос:

Что перевесит: свет ли, тьма?
Мерцает смысл на тропах лжи,
Изрезан путь сплетеньем ран,
Не убегай. Мечте служи.

Глухой рассвет вонзает шип
В худое тело высоты,
На чешуе жестяных рыб⁵
Замёрзли чёрные цветы.

И я останусь здесь одна,
Опять укутаюсь в печаль,
Дрожат холодные уста,
О, как далёк блаженный рай!

Но я прошу лишь об одном:

---

⁵ отсылка к стихотворению В. Маяковского «А вы могли бы?»»

Звучи и пой, душа моя,
Пой о грядущем и былом,
Звучи!.. как трели соловья.

Куда деваются утки, когда пруд замерзает?

Куда деваются утки, когда пруд замерзает? Об этом спрашивал Холден Колфилд, пока держался над пропастью. А что происходит с мечтами, когда их не исполняют? Они ведь не утки и лишены крыльев...

Наверное, гибнут от безысходности под холодным дождём, засыпая в самодельных гробиках. (Кажется, для них только что наступила вечная зима.)

Ещё вчера они танцевали на осколках неба в открытом море и ухитрялись не тонуть даже во время шторма. Звонко смеялись, обнимали бесконечность за хрупкие плечи, пытались остановить сумасшедший поток времени. Они не знали тогда, чем закончится эта летопись, хотя, наверное, предчувствовали свой бесславный конец.

К сожалению, мечты не утки и не могут управлять собственной судьбой, потому что начала нитей – в руках человека. Однажды, в какой-нибудь очередной безликий момент, неуклюжий мечтатель сделает выбор и разменяет мечту на быт, который уничтожит последнюю надежду на перемены.

Маленькая революция в тесном бокале – и возможное будущее опускается на дно. Человек продолжает существова-

ние по часовой стрелке, в то время как его мечта разбивается вдребезги, точно выбитое мячом стекло.

Что происходит с мечтами, когда их предают? Уставший хозяин отказывается быть в ответе за тех, кого приручил. И тогда мечты прекращают дышать и растворяются в его опустошённом взгляде.

Планета потерь

Доктор Т. смотрит в пол, мнёт сигару в руке,
Хмурит лоб и молчит. Ветер дышит в висок.
К-140 заходит. Прижавшись к стене,
Замирает в тени. Вечность взводит курок.

– Ты готова? – Т. рвёт на куски тишину.

К-140 кивает, боясь отвечать.

– Ты заблудишься в этом дремучем лесу,

И однажды тебя захотят растерзать.

Ты не сможешь уйти: люди хуже зверей,

Будешь спрашивать небо: «За что столько зла?»

Пред тобою откроются сотни дверей...

Ни в одну не пропустят тебя никогда!

– Я готова. Всё лучше, чем здесь прозябать,

Меня мучают сны о планете Земля,

Мне придётся и память, и дом потерять...

Это воля небес. Начинаю с нуля.

К-140 исчезла, бросая слова,

(А из слова рождается новая плоть).

Видишь, девочка лепит мечту из песка?
Но уже отвернулся незримый Господь.

Дети рушат мечту и толкают творца,
Она плачет, не зная, за что они так.
Чей-то камень взлетает, коснувшись лица,
Наша девочка плачет под хохот зевак.

Время движется, нервно пронзая туман,
Ищет свет, погружаясь в безликую тьму,
Клятва в верности – это ничтожный обман:
«Я тебя никогда не оставлю одну».

Но друзья снимут маски. Вонзая клинок,
Назовут эту девочку странной. Уйдут.
В горле снова мешает дрожащий комок,
Распадается космос озябших минут.

Пройдёт несколько лет – и надежда блеснёт
Майским утром, как радостный солнечный луч,
И опять человек к ней на время зайдёт,
А она ему снова отдаст ржавый ключ.

Он вскрывает ей сердце, как старый сундук,
Прошептав пару глупых затасканных фраз.
Наша девочка верит, но это лишь трюк,

Просто фокус, показанный тысячи раз.

– И куда мне идти? Люди хуже зверей,
Небо! Небо! Скажи, почему столько зла?

– Здравствуй, девочка, это планета потерь,
В равнодушной толпе ты навеки одна.

Хочу

Хочу... синие волосы – яркие, как осколки небесных зеркал в ранний вечерний час.

Купить гигантские наушники и слушать на полной громкости музыку без слов.

Лежать с закрытыми глазами на свежескошенной траве и рисовать на корке воображения фигурки из пыльного будущего.

Завести собаку и гулять на рассвете, пока беспокойно ворочаются в своих удобных кроватях другие люди, уже, конечно, предчувствующие приближающийся звук неминуемого будильника.

Прогулять целый день, ни у кого не отпрашиваясь и ни перед кем не оправдываясь: сделать праздничный выходной посреди нахмуренной недели.

Устроить фотосессию лесным пейзажам – вдали от шума человеческих сцен, почувствовать себя частью безграничного мира.

Взять исцарапанную гитару и начать раздражающе громкий концерт на центральной улице.

Угнать мотоцикл и вернуть в сумерки, вдоволь наигравшись с легкомысленной скоростью.

Подхватить безумного человека и взобраться на самую высокую крышу города, чтобы прокричать в ухо свирепого мира все, о чем больше невозможно умалчивать.

Сбежать от ответственности за нарушенное спокойствие и закрыться в уютном одноэтажном доме с видом на спокойное молчаливое озеро.

Обязательно научиться грести, чтобы ощутить приятную боль от первых мозолей, заработанных собственным трудом.

Купить яркие краски со всеми цветами радуги и перекрасить скучные серолицые здания с поблекшими вывесками.

Незаметно подкладывать темный шоколад и имбирное печенье в чужие портфели и сумки, чтобы их хозяева стали на чуточку добрее.

Сыграть в дартс, ни разу не промахнувшись.

Прокатиться верхом, не забыв оборвать голосовые связки нежной любовью к сочинению громких песен.

Больше импровизировать, бросая вызов строгим планам и надоедливым до предынфарктного состояния таблицам.

Хочу... раздавить страх, мешающий время от времени выходить за рамки, и хотя бы иногда разрешать себе по-настоящему сходить с ума.

Напиться горькой вечности...

Напиться горькой вечности,
Поклясться Богу в верности,
Пускай Дамоклов меч висит,
На жизнь мне хватит смелости.

Я верю, что пройдёт печаль,
А завтра будет солнечно,
В игре с огнём пока ничья:
Деревья рубят точечно.

Под ивой серебристою
Меня оставьте мучиться,
Я в холод гордо выстою
И воспарю над тучами.

Ведь счастье здесь, поблизости,
Не жалкая утопия!
Хочу из сердца вымести
Весь сор, внутри накопленный.

Не касаясь земли

Смогу ли я?

Стоит ли пытаться?

Да кому это, чёрт побери, может быть интересно?

Прежние идеалы превращаются в кольца дыма, исчезая в пене намыленных облаков. Уходи и не оглядывайся: позади ничего нет. Соверши нахальное отречение от нелепых правил, и пусть обвинят в дерзости. Гораздо важнее, кто ты на самом деле, а не кто ты в голове другого человека. Не думай о том причудливом образе, который создают иные одиночки... Мы вечно лепим из пластилина, тщетно надеясь, что получится шедевр. Но гений, быть может, рождается раз в столетие, а звание мастера ещё надо заслужить. Вот и мучаемся, прячемся, ропщем на судьбу, а потом смиряемся да так и остаёмся эскизами душевнобольного художника...

Однажды нам сказали, что мы должны научиться приносить пользу. Хочешь оказаться на вершине – переступи через себя. Но это очередное заблуждение, ведь мир вовсе не пирамида. Сколько бы ты ни поднимался по ступеням выщербленной лестницы, всё равно не достигнешь неба. Оно бесконечно далеко – недостижимо – смертным придётся оставаться на земле до следующего рассвета.

Все роли давно сыграны, билеты распроданы, а места в

зрительном зале заняты. Остаётся только дышать, иначе закат неизбежен. О блаженная жизнь, не есть ли ты всего лишь кощунственная выдумка оклеветанного толпой пророка?

Посмотри на часы. Уже слишком поздно. Никто не знает, сколько страниц в этой книге. А звёзды надо мной так уверены, что никогда не упадут!..

Закрываю глаза. Приветствую новое сновидение и снова учусь ходить, не касаясь земли...

Письмо К.Н.

я – Здесь, ты – Там. ну как твои дела?
жду от тебя советов и известий.
ты – Жанна Д'арк, бесстрашна и горда,
но плата за упрямство велика,
и нелегко тому, кто верен чести.

да, у тебя великая мечта,
надеешься, что всё преодолеешь,
не ведая ни страха, ни стыда,
без пряника и длинного кнута,
пожнёшь однажды то, что щедро сеешь.

твоя душа – крылатая Психея,
ты хочешь сделать ярким этот мир,
какая благородная идея,
но будь готова и к большим потерям,
здесь каждый третий – трус и дезертир.

и ты боишься стать одной из многих,
я слышу, как из прошлого кричишь:
«очнись! сверни с протоптанной дороги,
иди своей, пока не стёрты ноги»,

нетерпеливо в дверь мою стучишь.

в Вальхалле пировать, но верить в карму,
мечтать о рае, как о чудном месте,
кричать, что харе кришна, харе рама,
и прочитать про пять столпов ислама...
найти себя мы сможем с тобой вместе?

неважно кто ты и во что ты веришь,
важнее знать, что у тебя на сердце,
цени всё то, что ты сейчас имеешь,
жизнь коротка, а вдруг ты не успеешь?
я – Здесь, ты – Там, в моём далёком детстве.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Пора начинать заготавливать дрова, чтобы пережить холодную зиму. Включать обогреватели щедрых душ и делиться теплом. Вовсе не обязательно кричать о собственных чувствах, лишь бы не равнодушные – а все остальное можно стерпеть. Даже отвращение и завистливая ненависть, мстительное презрение и лицемерие дают больше внутренних сил, чем абсолют безразличия.

Выбросить лишнее, чтобы освободить место для нового. Больше обнимать за плечи, чем бросать бесполезные советы-назидания под ноги. На таких можно и поскользнуться, даже если советчик-диктатор действовал из лучших побуждений.

Не доверять первому встречному, но верить, что где-то под его кожей бьется огненный поток, готовый вырваться наружу при первой удобной возможности.

Открывать буквы тем, кто предпочитает цифры. Сколько можно считать несуществующие деньги, чтобы потратить их на мифические вещи? Лучше тратить минуты, но с пользой, они имеют больший вес; их нельзя сдать в ломбард, но они драгоценны и представляют собой удивительно редкий экземпляр. Управлять временем – значит обладать истинным богатством.

Говорить правильные слова, чтобы не рассыпать любовь. Вместо бесконечных подсчетов писать записки. Можно бросить в бутылку и отправить в дальнейшее плавание, пока не найдет тот, кто ищет.

Больше петь, потому что звук выбрасывает гнев и раздражение и растаптывает, превращая в нефункциональную пыль; музыка делает сердце крепче.

Творить волшебство не потому, что ты всемогущий маг, а потому, что самый обычный человек. Такое чудо куда более неожиданно и приятно. Не делать того, чему сопротивляется душа. Главное – сдерживать данные обещания, а это дар первоклассного волшебника. Со словами всегда приходится держать ухо востро и проявлять по отношению к ним особенную осторожность. Иногда лучше промолчать, чем солгать с натянутой улыбкой.

Думать, уделять больше внимания мыслям, нащупать те веревочки, которые позволяют передвигать, менять местами и воплощать в слова и действия. Кстати, о действиях: делать больше добра. Кто придумал, что человечество должно быть бесчеловечным? Это не парадокс, а один из тех стереотипов, которые имеют обыкновение разбиваться, как зеркало, не умеющее отражать лицо реальности.

Быть человечным человеком – действительно задача не из легких?..

Плач Элизабет (по мотивам романа Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать»)

Мы встретились случайно в тёмный час:
В убежищах теснился зыбкий мир,
Но робкая надежда не сдалась
И всё-таки осталась вместе с ним.

Мой милый, ты искал свою семью,
Писал записки, верил, что прочтут.
И я стою как будто на краю,
Уже не верю, что меня спасут.

Две одиночки прячутся от зла,
Надеясь, что победа за добром.
У жизни равнодушные глаза,
А смерть молчит с испуганным лицом.

Без слёз и без прощаний ты уйдёшь,
Я прячусь на вокзале. Буду ждать.
Твоя улыбка как апрельский дождь.

Никто не слышит – покричим опять?⁶

Я верю, ты прочёл моё письмо,
Узнал, что у тебя родится сын.
О Гребер! Поняла я всё без слов!
Не бойся. Я с тобой. Ты не один...

Сказали, ты не выполнил приказ.
Сказали, ты предателем убит.
Смотрю на небо: там звезда зажглась.
Я слушаю, как тишина кричит.

---

⁶ «– Вы улыбаетесь, – сказал он, – и вы так спокойны? Почему вы не кричите?– Я кричу, – возразил Гребер, – только вы не слышите». **Э.М. Ремарк**

Помнишь?

Помнишь, ты была чище,
светлее,
наивнее?

Солнце рассекало небо острым кинжалом, оставляя на голубой коже багряные полосы. Ты мечтала тогда скинуть ботинки и шагать по выдуманным ступеням, желая добраться до самой высокой вершины. А сейчас всё по-другому. Надежды разбились о быт и дали течь, как лодка, на которой ты собиралась отправиться в путешествие. Бедная! Жизнь научила тебя смиряться, принимая пощёчины судьбы как дар. Иллюзии рассеялись, оставив вместо себя чудовищную пустоту. Осторожнее, дорогая странница, ведь если поддашься её губительному очарованию и заглянешь в глаза – превратишься в камень.

Помнишь, ты была счастьем,
самим воплощённым счастьем,
гонялась за лучиками с корзинкой в руках и, никого не поймав, растягивалась на мокрой траве. И ты становилась росой, ты становилась солнцем, которое ещё несколько секунд назад нахально ускользало от тебя и пряталось за утомлёнными облаками. А сейчас? Мысли, твои грубые, неотёсанные мысли преграждают тебе путь к небу... К истине!

Слово! Какое великое и опошленное! Было в начале и будет в конце.

Ты садишься на застеленную листьями скамью в туманном парке и читаешь книгу с загнутым уголком...

О любви.

О красоте.

О вере.

О смерти. Однажды она снимет перед тобой грязное платье и лишит дерзости, отобрав твоё право на бесконечность метаморфоз.

Помнишь ли, помнишь,

ты ничего, совсем ничего об этом не знала? Ты думала, что люди не умирают, а становятся звёздами на небе. И однажды ты тоже станешь. Однажды, но не сегодня и даже не завтра...

А пока ночь врывается в твои покои, и ты включаешь фонарь, чтобы обмануть тьму.

Лето

рыжий кусок раскалённого солнца
падает с неба в карман,
хитрый июнь воду пьёт из колодца,
кровь приливает к вискам.

новый рассвет наступает на пальцы,
рвётся от боли струна.
мы начинаем безумные танцы,
лето нас сводит с ума.

на потолке появляются звёзды,
кто-то затеял ремонт,
просто давай воровать свежий воздух,
медленно пить, как вино.

знаешь, отныне возможны все встречи,
груз километров – песок,
путь до луны всё равно бесконечен,
(но я азартный игрок).

станут ли пеплом слепые надежды?
хворь мы оставим весне.

только взгляни: дилетанты, невежды
в ненастоящей броне

снова готовы бороться за небо,
делая шаг из тюрьмы,
ветер приводит туда, где ты не был,
там больше нет темноты.

рыжий ожог беззаботного лета
на бледной коже тоски.
мы собираем в корзинку моменты,
вечность деля на куски.

Письмо лучницы

Здравствуй, моё упущенное (не)счастье. Лучница пишет тебе последнее письмо...

Да, ты всё правильно понял: это была я – пущенная на рассвете стрела (увы, не достигшая цели). Подвешенная за рёбра мелодия, не сумевшая победить тишину. Весна надевает чёрное платье, как вдова, замёрзшая от одиночества. Что, если любое тепло обманчиво, а после сегодняшнего утра не будет ничего? К чему приведёт извечная невысказанность, непонятность? Необъяснимость переплетений человеческих дорог и необратимость механизмов продажного времени?

Знаешь, для книг не слишком важны заглавия, а для стихов – рифмы. Иному человеку может показаться прекрасной самая обыкновенная оболочка.

Я делаю кормушки для птиц, живущих внутри меня, и бросаю зёрнышки надежды... И постоянно жду май (или всё-таки рай?). Как будто всё действительно может измениться, и я смогу проснуться в мире, существовавшем несколько тысячелетий назад. Я почти уверена, что тогда, в том немыслимо далёком хронотопе, мы были счастливы и, возможно, даже слишком. Именно поэтому в бессолнечном настоящем мы якобы живы, но вынуждены распасться на атомы недостижимой любви.

Зачем придумали конверты, если я всё равно не смогу написать на них твоё имя?

Зачем придумали поезда и самолёты, если расстояние между нами невозможно преодолеть ни на одном виде транспорта?

Зачем придумали даты...

Разница между нами так очевидна.

Прощай, лучник, и если мы однажды всё же встретимся, то не узнаем друг друга. Пройдёт несколько жизней, и у наших душ будут новые тела. Но я не могу обещать, что мне не захочется обнять тебя – кем бы ты ни был и кем бы ни была я.

На ракете в свой маленький космос

Боже праведный, Ты подскажи,
как спастись Твоему должнику,
по течению плыть не могу,
брошу вызов предательской лжи.

с ног собою, как морская волна,
с каждым днём всё мудрее и выше,
я брожу по заброшенным крышам,
как луна догорю до утра.

я хочу обнимать эти звёзды,
поднимая бокал, кричать: «Skol!»⁷
задушевный начать разговор...
люди-братья, как птицы, выют гнёзда,

но в толпе все равны: одиноки,
а футляр не защита души,
если хочешь – ругайся, греши,
невзирая на злые упрёки.

---

⁷ тост у викингов «за здоровье»; выкрикивают всегда, когда чокаются.

мы исчезнем почти без следа,
нас забудут, останется солнце,
и в чистилище скромных эмоций,
может быть, мы уснём навсегда.

отпускаю бесплодную боль
и бросаю монетку на счастье,
мир со вздохом сжимает запястья,
тихо шепчет несложный пароль.

Выходя из сансары, нестись
на ракете в свой маленький космос,
и без лишних тяжёлых вопросов,
продолжать эту новую жизнь.

Танец на воде

– Эй, что ты сейчас делаешь?

– Разве ты не видишь? Танцую.

Крепкие руки бога ветра, изгнанного из мира спящих людей, обхватили тело неугомного бунтаря. Укоризненный взгляд старого ворона и неодобрительная реплика, камнем брошенная в огород танцующего чудака, не произвели на него никакого впечатления. Со-про-тив-ле-ни-е – единственное, что остаётся одиночке, который бросил вызов этой несовершенной вселенной.

– Боже... Ты же не умеешь танцевать.

– Ну и что? Я счастлив.

– Но ты выглядишь нелепо. Это так глупо – заниматься тем, что у тебя не получается.

– А я об этом и не думаю... Хочешь потанцевать вместе со мной?

– Ну уж нет! По-твоему, я сумасшедший?

Река казалась серебряной в сиянии гордой и бесстрашной луны. Она бросала в воду невидимые монетки, и, может быть, поэтому её желания всегда исполнялись? Над головой мотыльками кружили растерянные звёзды. Кажется, они постоянно пытаются что-то найти: источник ли тепла (ладонь человека?) или ночлег (желание быть кому-то нужными?).

Впрочем, благодаря одному поэту в жёлтой кофте они могут больше не сомневаться в собственном бессмертии. Звёзды ненавидят одиночество, поэтому ни на секунду не прекращают танцевать. Чудак наблюдает за их неумелыми жестами, ищет созвездия, находит и радуется, хотя не помнит названий...

– Может быть, вызвать санитаров?

– Я в порядке. Если не веришь – попробуй. Тебе понравится, обещаю.

– Всё! Больше не желаю слышать этот бред! Я ухожу.

Человек срывается на бег, оставляя танцующего мечтателя наедине с тишиной. Он закрывает глаза и продолжает танец. Река кажется серебряной в сиянии спокойной и вольнолюбивой луны. Она бросает в воду невидимые монетки, чтобы исполнить желание, и чудак чувствует их тёплые прикосновения...

Он идёт по воде, не оставляя следов.

Vita brevis

8

оставляй свои кеды у входа,
проходи – будем пить вино,
говорить, прославляя свободу,
и искать золотое руно.

скажешь мне, что рождён аргонавтом,
значит, скоро опять уходить,
ты не знаешь, вернёшься ли завтра,
сколько времени будешь плыть.

я дождусь, как ждала Пенелопа,
vita brevis, но долог твой путь,
приезжай как-нибудь (!), автостопом,
эти горы пора нам свернуть.

даже если ты будешь измучен,
даже если смертельно устал,
прогоню все свинцовые тучи,
приходи, если тоже скучал.

моё сердце – кусок пластилина,
давай слепим прекрасную жизнь,
мне дана необъятная сила,
я тяну к тебе руки – держись.

и отныне не бойся проклятий,
одинокства, боли и бед,
если ты избегаешь объятий,
то не будешь распят и... согрет.

только хватит стоять на пороге,
заходи: ты вернулся домой,
отдохни после длинной дороги,
раздели свою вечность со мной.

Воссоединение

Ты помнишь. Ты, конечно, это помнишь. Смелый танец на горячих углях погребального костра. Зеркально отражая движения Вселенной, не успеваешь получить ожоги. Мечтаешь подняться в небо, чтобы украсть самую яркую звезду и спрятать в карман плаща. Но разве кому-нибудь под силу посадить свободу в острог?

Длинные рыжие кудри щекочут кожу околдованного ветра. Мурашки на невесомых ладонях – залог подлинного сопряжения. Кто-то именует его любовью, иные – смертью...

Вечер догорает в крепких объятиях тоскующей земли. Ракушки в умолкающем море становятся драгоценными камнями. Ты бежишь по берегу, набираешь горсть, разбрасываешь... Щедрые дары достаются приближающейся ночи!

Но жизнь – это фата-моргана; поднимается со дна, чтобы обманывать печальных мечтателей. Шепчет на ухо пару ласковых фраз и забирает бессмертную душу. Несчастную ждёт бесконечность перевоплощений и вечные муки, пока... она не оставит ад позади.

И вот ты наблюдаешь, со стороны наблюдаешь за робкими неторопливыми шагами ещё одной мученицы. Она не верит, что когда-то умела танцевать, и ходит по краю пропасти, предвидя неминуемое падение.

Что это с ней? Неужели не замечает? Тебя, такую яркую, как похищенная с неба звезда? Нет, всё-таки чувствует на себе твой напряжённый взгляд, поднимает голову и поворачивается лицом к...

Наступает священная минута, когда паутина, сплетённая из сомнений и страхов, распадается. Больше не нужно растрачивать бесценные слова попусту: главная тайна и без того поднимает тяжёлый занавес. Дева бежит прочь от пропасти, не повторяя ошибки Лотовой жены, и падает на колени перед новоявленным чудом обрётённой истины.

Диалог с...

Ничего не изменится. Глупо стараться. Терпи.
Отступи, не пытайся, ведь ты бесполезна. Уйди.
К счастью, мы не бессмертны, однажды закончится всё.
Фильм провалится: болен слепой дилетант-режиссёр.

Береги свои нервы, не думай о людях, смирись,
И плыви по течению, с неба на землю спустись,
Что ты делаешь? Люди тебя никогда не поймут,
Следуй правилам и улыбайся – все этого ждут.

Будь удобной, иначе не выжить, и помни о том,
Что друзей не бывает. Поверь, только волки кругом,
Ты родился? Учись и работай, а после – умри,
У других, может быть, точно так же пустынно внутри.

*Нет, не слушай: всё это безумный отчаянный бред,
Во вселенной так много прекрасных и странных планет,
Жизнь – загадка, и каждый момент – это новый полёт,
Не ломай себе крылья, а лучше разбей толстый лёд.*

*Будь собой. Всё получится. Я в тебя верю. Рискуй.
Нарушай эти правила. Хочешь – тогда протестуй.*

*И не бойся мечтать. Ты же сильная. Только борись,
Всё не зря. Не сдавайся. Возьми себя в руки. Проснись.*

Бой

Я знаю: это тяжёлая битва, и ты, конечно, боишься поражения. Наверное, это кажется невыносимым – просыпаться каждый день с сожалением. Ночью ты смел надеяться, что твой сон не прервётся и ты сможешь вечно перелетать с планеты на планету, как мотылёк – в поисках тепла и света. Но подступающая к горлу реальность обезоруживает: и снова однообразный день, который невидимый и унылый летописец ставит на репит. Смотришь на отражение в зеркале, и оно кажется особенно безобразным; не глядя хватаешь рубашку и пальцами скачешь по пуговицам, не попадая в петли. Я знаю: ты устал сражаться, потому что не видишь конца. Наверное, ты думаешь, что счастье – прерогатива иных: возможно, более сильных, возможно, более нахальных. Но это твоя дорога, которую кроме тебя никто не пройдёт. Ты можешь кричать и ругаться, но это только твой бой, и никто не победит в нём за тебя.

Я знаю: прямо сейчас ты хочешь сбежать, исчезнуть, как в детстве, когда ты скрывался в шкафу, чтобы разыграть взрослых. Но разве тебя не пугала возможность остаться там навсегда? Вспомни: ты прятался, потому что хотел, чтобы тебя нашли.

Прими этот вызов, и однажды слёзы высохнут. Ты вспом-

нишь сегодняшней день и скажешь ему – юному страдальцу, обнимающему колени: «Спасибо, что не остановился. Спасибо, что выжил. Спасибо, что всё-таки победил».

Раненый джинн

где же ты, где ты сейчас?
дремлешь, как раненый кит?
наша мечта не сбылась,
каждый друг другом забыт.

каждый друг другу никто,
выпита чаша до дна,
самым суровым судом
судит иных сатана.

всё ещё ждёшь меня Там?
больше не жду тебя Здесь,
знаю, ты слишком устал
в поиске зрительских мест.

в мире так много зеркал,
мы отражаем судьбу,
снова приходит весна,
чтобы поднять страшный бунт.

солнце заходит, увы,
и всё кончается сном,

мы безнадежно горды –
это тревожный симптом.

помнишь ли, помнишь меня?
путь до Итаки закрыт,
метка из календаря
вечность твою сохранит.

дремлешь, как раненый джинн,
в пыльном кувшине без дна.
выбраться – много причин,
но ни одна не верна.

Удивительный друг

спускайся – и если хочешь, можешь протянуть мне руку.
Тебе ещё слишком рано гулять по обратной стороне радуги.

весь этот мир – от каждой морщинки в уголках глаз до мурашек, бегущих по спине –

принадлежит исключительно Тебе,

м о й

у д и в и т е л ь н ы й

д р у г.

и пусть Твоё сердце – ловец невесомых ощущений – наполняется той самой красотой, которой предназначено спасти очередную вселенную.

знаешь, прямо сейчас Тебе кажется, что ничего не изменится

или, может быть, только к худшему,

и уже нет сил широко разводить руки в надежде, что за ними появятся крылья,

и нет веры в возможность воплощения Твоей безупречной мечты в эту непредсказуемую реальность.

но Ты ошибаешься, просто знай: Ты ошибаешься, всё это уже случилось, и точно так же опускались руки, и ледяная тоска разливалась по венам, и не хватало кислорода,

а после головокружительного полёта приходило время
неминуемого падения.

но Ты справился, даже когда солнце скрылось за грозовы-
ми тучами,

Ты справился, даже когда птицы разбивались о скалы,

Ты справился, даже когда рыдал от отчаяния раненый кит.

Ты справишься снова

– прямо сейчас –

и снова почувствуешь нежное прикосновение солнечного
луча на щеке,

и снова распахнутся настежь окна, чтобы впустить в ком-
нату свободолюбивый морской ветер,

и снова зажжётся фонарь

в тёмную ночь

недалеко от аптеки на одной из безлюдных улиц,

и Ты продолжишь свой танец на крыше вместо дождя,

и Ты станешь факелом, который однажды осветит дорогу
другому путнику,

потерявшему собственный свет.

Жизнь вопреки

небо тоскою умоется в полночь,
шрам на руке как сплетение тропок;
в небытие мчится скорая помощь,
всё завершится всемирным потопом.

Ной не поможет: ковчег ненадёжен,
мы не изменимся и не спасёмся,
Гамлет решает
«не быть».
жребий брошен,
все засыпают – никто не проснётся.

все засыпают. кто я? тихий сумрак,
тень от луны или просто осколок,
всё, что казалось когда-то разумным,
станет ничем.
и никем – тот, кто дорог.

я ищу место на грустной планете,
что я могу? одиночка, как Ларра,
воет безжалостный северный ветер,
ночью – бессонница или кошмары.

интоксикация слабого сердца,
либо рискнуть, либо снова сдержаться,
в бешеном ритме безумного скерцо
жизнь никому не позволит остаться.

всё же идти, стиснув зубы, на ощупь,
с ортодоксальным упрямством за чудом,
то, что нестрашно и выглядит проще,
гордо отринуть бессолнечным утром.

жить вопреки, словно ты над обрывом
держишься:
лишь бы не кончились силы.

Хранители светотепла

Ветер, рисующий
прозрачные линии
на детских ладошках
листьев.

Каждый порыв –
полёт
вопреки отсутствию крыльев.
Человеческое несовершенство
(горбинкой на носу)
проклиная обыденность,
целуя вечность в висок.

Абсолютная красота – ложь,
чья-то нелепая выдумка,
у которой нет будущего.

Оставаться бессмертным
назло законам всемирного потока.

Любить иррациональность своего существования больше
самого смысла.

Любая идея ненадёжна и распадается, теряя очарование,
как только автор облакает её
в словесную плоть.

Хрупкость мгновения бабочкой садится на плечо
И, наверное, я не запомню,
никогда не смогу воспроизвести
его таким,
каким оно было и ускользнуло,
навсегда оставшись суффиксом
–л-
в глаголе
прошедшего времени.

Иногда я сжимаю кулаки, не веря, что ночь когда-нибудь
закончится.

Вспоминаю строки любимого поэта:

*Я пропал, как зверь в загоне,
Где-то люди, воля, свет...⁹*

И я тоже в пограничном состоянии, на пересечении ми-
ров, наблюдаю за танцем муравьев
на веснушчатом теле планеты,
но
сама
остаюсь

---

⁹ Б.Л. Пастернак

позади.

Я не готова стать частью круга, потому что среди людей чувствую себя, как на театральных подмостках.

Приходится ломать страх, точно грифель.

(Может быть, эта борьба и позволяет чувствовать себя живой).

Энергия преодоления – то, что помогает мне справляться с трудностями.

Выйти из собственного космоса, чтобы занять место в зрительном зале на планете Земля –

...всегда так сложно, но по-другому – не имеет смысла, ведь люди – хранители атомов светотепла.

Хочу к тебе...

хочу к тебе... скучаю по тебе!
безрадостно проходит каждый день.
мы прячемся в затравленной толпе,
где кто-то продал чёрту свою тень.

танцуя вместе с ветром на углях,
мы всё же умудрились не сгореть,
пусть впереди – тернистая стезя,
жизнь коротка, нет времени жалеть.

хочу к тебе! безлунность бьёт стекло,
вгрызается голодная тоска.
мне кажется, все люди заодно:
кричат, смеются, смотрят свысока.

скучаю, мой единственный, родной!
давай сбежим от шумной суеты
из мира, что становится тюрьмой,
туда, где исполняются мечты.

Любить врага

– Смотри: это нежное солнце щекочет пятки смеющегося бога. И острый кинжал в руках воинственной свободы пересекает плоть маленького жителя с гигантским сердцем. Буду гореть, буду светить, буду любить даже врага, ухмыляющегося над моими словами...

– Полюбуйтесь-ка на этого сумасшедшего чудака! Он и вправду уверен, что может изменить наш ослепший от зла мир! Нет, голубчик, ты заблуждаешься. Тьма погасит твой бесполезный свет, а враг чёрной ненавистью задавит твою глупую любовь... Разве ты ещё не понял? Жизнь – это сражение. Смерть никогда не щадит слабых.

– Нет! Я не желаю это слушать! Я замыкаю слух! Ты всегда пытался столкнуть меня в бездну... Но этого не случится! У тебя ничего не получится... Я люблю каждый фрагмент этой вечности и ни за что не предаю свою веру, надежду и...

– Ты и сам не замечаешь, насколько жалок! Оставь свои приправленные пафосом фразы для других. Меня ты ничем не удивишь... Щёлк – и тебя не будет, как и этой твоей хваленной вечности.

– Я никогда не встану на колени перед таким Дьяволом, как ты! Прямо сейчас я буду танцевать на рыжих кусочках небесных зеркал и не побоюсь упасть... Даже если я поскользнусь – за моей спиной раскроются крылья. А знаешь,

почему я так в этом уверен? Моя любовь к человечеству держит меня над землёй.

– Какой же ты ещё ребёнок! Скоро пройдёшь свою земную жизнь до половины, а до сих пор ни черта не понимаешь... С кем ты сейчас пытаешься бороться? Кому бросаешь этот нелепый вызов? Посмотри на своё отражение – это же я...

– Замолчи! Уйди отсюда прямо сейчас! Или...

– Или...? Что же ты со мной сделаешь?

– Я ненавижу тебя!

– Разве ты не хотел беззаветно любить врага, ухмыляющегося над...

– Врага, но не тебя! Я... никогда не смогу тебя полюбить.

ТВОЙ ЩИТ

слова – это горстка песка:
разгромлен заброшенный замок.
в конвульсиях бьётся тоска
под песни безумных русалок.

изменчивый мир нездоров:
планета трясётся от злости.
Всевышний в кругу дураков
бросает игральные кости.

кому придёт время сгореть?
тому, кто боится погаснуть,
судьба держит толстую плеть
и бьёт по губам несогласных.

нас всех пригласили на казнь,
но есть ещё время сразиться,
в неистовом танце кружась,
от вражеских пуль уклониться.

нам право дадут продолжать:
мы живы, пока не сдаёмся,

и можем свой путь выбирать,
искать своё место под солнцем.

пока у тебя есть плечо,
в которое можно уткнуться,
ты будешь от тьмы защищён
щитом бескорыстного чувства.

Письмо

Привет, дорогая! Как ты там? До сих пор строишь воздушные замки и веришь в волшебство? Надеюсь, что ты наконец-то нашла свой путь, прекратив утомительные прогулки по извилистым тропам.

Знаешь, я бы хотела увидеть тебя прямо сейчас. Возможно, тогда бы у меня получилось остановить затянувшуюся борьбу с ветряными мельницами. Но наша встреча невозможна. Да, мы не можем случайно столкнуться в толпе, коснувшись друг друга плечами. Остаётся лишь держаться на плаву, сжимать кулаки и приближать happy... (пока ещё не end).

Как поживает твоя мечта? Надеюсь, ты не позволила ей погибнуть в отчаянной схватке за лучезарное будущее? Я знаю, что ты всегда искала смысл своего существования, потому что верила: жизнь – это не просто глупая шутка какого-то неземного существа с отвратительным чувством юмора. Нет, жизнь – это серьёзное испытание... сопротивление. Чтобы одержать победу, нужно хотя бы сдвинуться с места и начать действовать.

Ты победила, не так ли? Твоя мечта всё-таки стала реальностью, ведь правда? Не могу сдержать улыбки, когда представляю твои горящие глаза.

Прошло много лет, но я уверена: ты осталась таким же ребёнком с чистым сердцем. Мир не утратил своего обаяния, и каждый момент – новая страница (бери яркий маркер – и заполняй). И ты продолжишь старательно выводить капризные буквы, составляя первые неуклюжие слова. Сначала они с недоверием поглядывают друг на друга, а потом делают шаг навстречу и обнимают... Так зарождается ещё одна неповторимая вселенная.

Здесь и сейчас твоя печальная юная копия пытается выкарабкаться из бездны сомнений и страхов, прекрасно понимая, что никто не поможет, пока она сама не научится летать. Да, я знаю, что должна постараться ради тебя – мне всё ещё хочется однажды услышать твой звонкий смех. Я обещаю, что справлюсь, перестану бездумно растрачивать время, энергию, силы. Научусь отпускать тех, кто больше не хочет оставаться. Прекращу зависеть от чужих мнений и не приму на свой счёт ни одной насмешки. Наверное, это безумно плохая идея – пытаться завоевать расположение другого человека, умолять о крупнице внимания и ждать эффектного жеста в свою сторону. Н а с т о я щ и е будут рядом с тобой даже в преддверии апокалипсиса; и может быть, высшие силы, очарованные такой искренностью, подарят ковчег и право на спасение.

Я постараюсь быть сильной, потому что от этого зависит твоя жизнь. Какой она будет: воплощением гармонии и красоты? Непролазной тьмой, дыханием распада и смерти? Я

должна сделать правильный выбор, чтобы ты перестала плакать холодными ночами в пустыне одиночества.

До встречи. Мы ещё обязательно поговорим и посмеёмся над прошлыми неудачами. Я обещаю: ты будешь счастлива.

Мы будем счастливы.

Не выходи из комнаты

Не выходи из комнаты... а, впрочем, выйди – и к чёрту!
У нас нет ни чести, ни совести. Мы люди иного сорта.
Бессмысленно одиночество. Постыли чужие лица.
И сколько бы ни пытался, от смерти тебе не скрыться.

Становишься грубым циником, когда размышляешь о
вечном,

И мы давно уже поняли, что время совсем не лечит,
Не может быть ни опоры, ни даже слабой надежды,
Нас выгнали из массовки за то, что такие невежды.

Не думай, что станет лучше. За нашими спинами – бездна.
И вряд ли мы снова выживем (с таким-то обугленным
сердцем).

Мы знаки в стихах графомана, но точно не запятые,
У нас не будет потомков – мы нового не открыли.

Грядущее наше туманно, в туннеле не видно света,
Сюжеты однообразны, идеи распроданы кем-то.
Уже ни о чём не мечтаем, сбегает от обязательств,
Не изверги, но и не жертвы. Всего лишь кавычки в цитате.

Держи равновесие

Держи равновесие. Пока ещё не настало время для эпилога. Но если всё-таки захочешь упасть, вспомни про объятие бабочки. Не жди появления *deus ex machina*, который якобы знает тайны исцеления изуродованного сердца.

Обними себя сам. Распахни окно и закрой глаза. Сделай глубокий вдох: энергия ветра оставляет капельку любви в каждой клеточке твоего потрясающего тела. И пусть это только временная одежда для бессмертной души, люби её и будь благодарен за тепло и уют.

Ты прекрасен. (Даже не смей думать иначе). Слышишь, дождь слагает красивые фразы на водосточных трубах? Однажды они станут частью верлибра, прошёптанного Богом, а ты – фрагментом истории с открытым финалом.

Не предавай мечту. Даже если очень сильно хочется прыгнуть в чёрную пустоту, закрыв глаза и остановив дыхание. Будь светом, чтобы разорвать тьму на куски.

Смотри: это твоя личная вечность, созданная из атомов счастья: не дай ей распасться... А лучше – прими как дар.

Сонет

я всё равно тебя когда-нибудь дождусь!..
для нас расступится предутренняя мгла.
мы прочитаем наши души наизусть,
когда рассеется беспомощный туман.

мы через тернии отыщем путь до звёзд,
и ты расскажешь мне, о чём сейчас молчишь,
возьмёмся за руки, и я задам вопрос:
в какой тональности обычно ты звучишь?

и, отражая вечность зеркалом судьбы,
находим знаки несомненного родства,
необъяснимо наши мысли сплетены...
так безупречны твои дивные слова!

пройдут столетия, но люди будут жить,
перерождаться друг для друга и любить.

Не сдавайся

привет, моя дикая юность,
знаешь, мы так давно не виделись,
я почти не помню сладкую боль от ссадин на коленях и
как холодеют подушечки пальцев, когда вот-вот сейчас
произойдёт то, чего ты так боялся,
тебя поймают на слове, застигнут врасплох,
обличат твоё несовершенство...
бросает в жар,
садится голос,
дрожат колени,
а на побледневших губах застывает глупая улыбка – такой
особенный защитный панцирь,
но ты не черепашка – прятаться бесполезно.

салют, мои милые грабли,
кажется, столько ран, столько мозолей, как мои ноги всё
еще ходят?

знаешь, я иногда снова наступаю – на те же самые, люби-
мые, уже зубцы не выдерживают нашествия моей назойли-
вой любви.

так что, спасибо, моя ушедшая боль,
мои испытания и несчастья,

вы закалили моё сердце,
хотя оно всё ещё не из стали, но уже не настолько хрупкое,
как хрусталь.

мне больше нечего бояться, я знаю, что всё проходит, и
то, что сейчас уничтожает тебя изнутри,
завтра станет трамплином,
и ты обязательно достигнешь высот,
только не сдавайся сейчас.

Колыбельная

город мерцает в тревожном сиянии звёзд,
долго сидела на корточках бледная ночь.
ветер под окнами стонет, как раненый пёс,
с неба срывает луну и бросается прочь.

нас не найдут до рассвета, мы пленники тьмы,
словно две тени, на крышах танцуем фокстрот.
кажется, все мы сейчас под пятой сатаны,
только живём вопреки. засыпай. добрых снов.

в тесной темнице для нас не останется мест,
мы, заражённые волей, сбежим от судьбы,
на запотевшем стекле свой напишем конец
без обращения к силам коварной волшбы.

спи, мой родной, ничего не случится. луна,
гордо вернувшись на небо, накажет врагов,
всё успокоится, стихнет теперь до утра,
только ворчат недовольные стрелки часов.

пусть тебе снится цветущий и солнечный сад,
шёпот стрекоз, словно скрипка, ласкает твой слух,
птицы, как ангелы, над головою парят

и избавляют тебя от страданий и мук.

спи, дорогой. спи спокойно. и солнце взойдёт
над пробудившимся миром. отступит печаль,
omnia vanitas¹⁰. знаю, и это пройдёт.

тянется ласковый луч, как небесная длань.

---

¹⁰ Всё суета.

Не останавливайся

я прошу тебя: не останавливайся, даже когда перегорает последняя лампочка.

вспомни, что где-то внутри тебя всё ещё есть фонарик, который не подведёт,

не погаснет в самые тёмные минуты, если вдруг навсегда отключат электричество.

я прошу тебя: слушай своё сердце в морозные дни, когда не остаётся ни капельки тепла,

кажется, медлят с включением отопления,

кажется, ты обречен на прозябание в полной глуши,

в этот момент просто согрей себя горячим малиновым чаем,

а если негде вскипятить воду, не прекращай дышать – ни при каких обстоятельствах,

вспомни, что на самом деле ты и есть главный источник тепла.

я прошу тебя: не прекращай бороться, даже если ничего как будто не осталось,

даже если не знаешь, ради чего,

всё равно

не сдавайся, доверься своему внутреннему свету и потрясающему теплу,

доверься –
потрясающему Себе.

Исключительное право

твой мир – безумный океан,
а ты не научился плавать,
и гордый кит тебя с собой
в уютный дом не позовёт.
но у тебя есть два крыла
и исключительное право,
прогнав сомнения и страх,
начать рискованный полёт.

другие наблюдают снизу
и проклинаят бессердечно,
ты слышишь шум и вспоминаешь,
что невозможно не упасть.
но продолжай: никто из нас,
увы, не станет безупречным,
лети вперёд, не позволяя
злым языкам мечты украсть.

и повторится тёплый вечер,
над ним – малиновое солнце,
скорбит упущенное время
о каждом смелом незнакомце,

чей силуэт над облаками
совпал с волшебным трафаретом.
мы в океане возродимся
и в мир вернёмся вспышкой света.

Время стать соулмейтом

соулмейт – это человек, взгляд горящих глаз которого растапливает льдинки в твоём сердце,

ты совсем не боишься сжимать его протянутую руку, когда стоишь перед бездной,

еще несколько лживых секунд назад так хотелось прыгнуть и раствориться в космической пустоте,

а сейчас – ты выбираешь жизнь, потому что он рядом.

соулмейт – это тот человек, чьи пальцы никогда не бывают холодными

у него внутри есть маячок, который освещает путь заблудившимся странникам.

и если рядом с тобой сейчас нет такого человека, значит, пришло время самому стать для кого-то соулмейтом.

Пепел

взяв в охапку звёзды,
опрокинув вечность,
едем до конечной,
за туманный остров.

где конец заката
и начало моря,
там, где нет покоя,
и мечта распята.

где к скале прикован,
под небесным сводом,
проклят Зевсом-богом,
Прометей бездомный.

никому не нужный
погибает Данко,
а над полустанком –
месяц равнодушный.

и распались цепи,
потерялись звенья,

от венца творенья
остаётся пепел.

21 грамм бессмертия

говорят, что в каждом из нас есть 21 грамм бессмертия. тело – это всего лишь временная оболочка, а жизнь – всего лишь жизнь, люди придают ей слишком много значения.

мы проходим путь бесконечных воплощений, и это не закончится, пока мы не станем совершенными.

а мы ещё живы, а значит, имеем право совершать глупые ошибки,

легкомысленные поступки,

не заботясь о том, что будет после,

потому что смерти не существует.

есть только момент, который нельзя пропустить, иначе кино не покажется тебе таким интересным.

и в этот моменте – свобода и справедливость.

доверься ему и будь собой. не пропусти вечеринку, которую приготовил для тебя очередной день.

А если весна не наступит...

а если весна не наступит? всё стихнет,
и солнце погаснет, исчезнет луна,
закружатся судьбы в безжалостном вихре,
немая история завершена.

мы бросили жребий легко и бесстрашно,
и в эту минуту погиб Фаэтон,
земли не коснувшись. мы строили башню
из кости слоновой. За ней – Рубикон.

на этом закончим нелепую драму,
никто не погибнет, но вряд ли уснёт
той сумрачной ночью, когда рухнет в яму
постылая вечность и всё отберёт.

и мы никогда больше не повторимся,
кармический долг отработав сполна,
предаст короля ненадёжный десница.
на бал приглашает хромой сатана.

и снова какой-то отчаянный мастер
получит в подарок желанный покой.

за вверенным стадом следишь ли ты, пастырь?
что станет с несчастной заблудшей овцой?

но даже не думай туда возвращаться,
откуда однажды с надеждой сбежал,
и дай обещание: не появляться,
люблю, но не жду.
(неизбежный финал).

финал неизбежен. прощай. буду сильной.
слоновая кость всё же хрупкая. ждёт
крушение башню, как в кассовом фильме.
бесстрашно весна Рубикон перейдёт.

Титры

Беги и не оглядывайся,
помни: это мгновение всегда прекраснее предыдущего.
память искажает прошлое, поэтому человеческая одержи-
мость давно ушедшим неотвратима,
но на самом деле люди не врут, и время – врачеватель душ,
поэтому оно вырезает скальпелем острую боль, которую
ты испытывал
несколько кусков вечности назад.

нет, там не было ни лучше, ни проще,
и воздух не был свежее, а погода – теплее, и даже дождь
– менее дождливым.
Ночь была такой же тёмной, а тьма густой и непроглядной.
Одинокий фонарь за окном никогда не загорался вове-
мя,
а аптека неподалёку всегда закрывалась в 23:00.

Здесь, сейчас, жизнь кажется тебе утомительной; может
быть, даже уродливой карикатурой,
но это не так. На самом деле мы просто зависимы от трес-
ка огня в камине выдуманного Вчера.

Вчера постоянно фальшивит, а Завтра гнусавит о неопре-

делённости.

Зато Сегодня сталкивает тебя лицом к лицу с реальностью, чтобы не разучился сопротивляться.

Беги и не оглядывайся, помни: твоё долгожданное будущее невозможно без сегодняшнего дня.

Оно не наступит, пока ты цепляешься за прошлое.

А жизнь может поставить надоевший ей фильм на паузу или перемотать до финала.

Ведь никогда не знаешь, в какой момент покажут титры...

Зажигая в крови моей солнце...

зажигая в крови моей солнце,
ты уходишь в свой сумрачный лес,
мог быть ангелом и чудотворцем,
но, увы, обошлось без чудес.

жизнь – причудливый быстрый танец
под восторженный шелест толпы,
и какой-то случайный посланец
вновь с тобой переходит на ты.

наступают минуты прозренья,
понимаешь, что должен бежать.
на скамейке ты веткой сирени
вопреки остаёшься лежать.

ищешь Гудвина, снова веришь:
чудеса, несомненно, придут,
улыбаешься, лицемеришь,
но тебя всё равно проклянут.

всё закончится сумрачным лесом,
хочешь чуда – твори его сам,

хватит ангелов или бесов –
вызывать по таким пустякам.

Зарождение надежды

И тогда простертые крылья, загнутые на концах, темно-бархатные, с четырьмя слюдяными оконцами, вздохнули в порыве нежного, восхитительного, почти человеческого счастья. В. Набоков

Ветер крадёт наши души, когда мы выходим на трибуны, чтобы высмеять небрежно одетую вечность. Знаешь ли, такое случается, когда ты вдруг перестаёшь верить в скорость. Всё распадается на мельчайшие острые частицы (попробуй остановить – мышеловка захлопнется). Но нет ничего страшнее расщепления собственного я. Множество личинок, не дотягивающих до личностей, танцует на синем экране завтрашнего дн(а).

Я поднимаю голову, чтобы оскорбить небо насмешливым взглядом. Пронзительная истина ударяет в затылок, а облака чернеют от тлетворного дыхания загадочной блудницы. Заражённая завистливой яростью, она срывает с прохожих шляпки, развязывает шейные платки и превращает случайного созерцателя в камень. А за спиной раздаётся звонкий смех ребёнка – космос, пожирающий хаос.

Ты думаешь, ветер – всего лишь шутница? На самом деле она та ещё правдорубка: бесцеремонно бросает твоё тще-

душное тело в объятия смуглолицей жизни. Её потрёпанное подвенечное платье расходится сзади, но, невеста, ослеплённая случайной ненавистью, предпочитает не замечать подобных мелочей... Быть может именно в этом обличье и придёт твой ч ё р н ы й ч е л о в е к, чтобы заказать реквием.

Я продолжаю идти, танцы заканчиваются – выступает хор. Дирижёр, конечно, давно сбежал: «Вы чертовски очаровательны, но так бездарны!» Смотрю на осиротевшие деревья и пинаю мёртвые листья. Какое поразительное сходство между эгоистом поневоле и пожухлым отпрыском inferнальной осени! Разница не менее удивительна: они оставляют после себя новую жизнь, а мы... а что мы?

Уверенные руки снова и снова открывают ящик Пандоры и улыбаются – так ослепительно, будто только что совершили подвиг. Шёпот личинок стихает. Я сажусь перед ними на корточки, смотрю в микроскоп и вижу... как зарождается надежда.

Я

я – осколок разбитого блюда,
я – открытое настежь окно,
я – верёвка в руках у безумца,
я – подложное имя Никто,

моя боль – это вопль Полифема,
мой покой – шелест утренних звёзд,
жизнь играет ноктюрны Шопена,
смерть зовёт, но пока не всерьёз.

моё тело – бездарный набросок,
мои мысли – нелепый центон,
моя память – болтливый философ –
ловит подлым сачком новый сон.

я всего лишь затяжка на платье,
я ресничка на правой щеке,
скромный жест вместо долгих объятий,
запятая в бегущей строке.

моя злая судьба близорука,
время лечит и плачет навзрыд,

жизнь стреляет, не целясь, из лука,
но слова – это мой личный щит.

Твоё имя

Бросаюсь в кипящие волны небрежного времени, обжигая сотканную Арахной кожу. Чайник оглушительным свистком накидывается на тишину, пока сосед, живущий за несколько обугленных вёсен от моей кухни, корчится в муках с пеной на губах. Срываю с книжной полки истрёпанный, как поэзия, источник глупости и тревожу покой кленового мертвеца. От прикосновения моих пальцев смерть расщепляется, а пристыженная тоска царапает горло небожителя. Изрытое оспинами лицо капризной луны помещается на чёрном блюдечке и застывает куском чёрствого хлеба, на котором хозяйничает любопытная муха с обломанными крыльями. От моего дыхания рассыпаются по полу скудные крошки постылой любви.

Скажи, ведь прямо сейчас Ты тоже это чувствуешь? На плечи присаживается калека-жизнь, и Ты сгибаешься под её тяжестью не в силах взобраться на выдуманный Эверест.

Строитель воздушных замков, признайся: даже внутри Тебя живёт крошечный Пигмалион. Наши маленькие руки судорожно обхватывают талию оскорблённой Богини. И кажется, вот оно, наконец-то поймал и сумеешь удержать, а разжимаешь кулак – и не видишь ничего, кроме путаных линий.

Принимаю позу эмбриона во имя обратного рождения.

Послушай, давай всё испортим и станем китами, выбросимся на омерзительно-безупречный берег, чтобы однажды покорить небо. Ты должен слышать меня, как кит, должен слышать меня вопреки расстоянию, потому что мы оба так невежественны и несвободны в нашем сегодняшнем воплощении.

Я никогда не сделаю Тебя счастливым.

Ты никогда не сделаешь меня счастливой.

Карма раздаёт щедрые пощёчины, а будущее насмешливо натягивает рваные джинсы на рыдающего Прокруста.

Падаю в безмолвную яму Твоих рассеянных мыслей. Превращаюсь в очередное невысказанное слово. За окном тихо плещется скорбная музыка, и в каждом аккорде замирает, заражённое вирусом бессмертия, Твоё имя, созвучное замыслам фей.

Капля камень точит

Думаешь, Судьбе не страшно?
Думаешь, Судьбе не больно?
Размывая день вчерашний,
Не сбежать из преисподней.

Вслушайся, как шепчут слёзы
У Вселенной на ресницах.
Приглядишься: слепые монстры
На щеках рисуют числа,

Цифрами слова раздавят:
Таковы немые танцы.
Всех нас выгнали из рая –
Мы нашли защитный панцирь.

Скрылись друг от друга (к счастью?),
Кто-то не успел – и выжил.
Смерть берёт священный ластик
И стирает из афиши.

Кротко движемся по кругу,
Повезёт – нас не заметят,

Обнаружат – встанем в угол,
Как нашкодившие дети.

Каждый день играем в прятки,
Но однажды всё исчезнет,
Нас найдут по опечаткам
Да историям болезней.

Думаешь, Судьбе не больно?
Думаешь, Судьбе не страшно?
Как сбежать из преисподней,
Опрокинув день вчерашний?
*Gutta cavat lapidem*¹¹.

---

¹¹ Капля камень точит.

Иди

– О чём ты сейчас думаешь? Морщинки на твоём лбу как линии в тетради. Могу я набросать элегический дистих? Уверен, такие рукописи не горят. Но человек – всего лишь слабое тело, украденное у проказницы-судьбы. Тебе ли не знать, что она задумала? Это милое чудовище с воспалёнными глазами и гигантским ртом... Попробуй сбежать, если больше не надеешься на помилование.

– Я давно уже ни о чём не думаю. Как ты и сказал, человек – это только тело. А рукописи... рукописи сгорают прежде, чем мне удаётся их написать. В голове – абсолютная пустота, приправленная голодной ненавистью. Под подушкой спрятана кукла вуду, и мои пальцы исколоты острыми иглами. Знаешь, а я ведь никогда не была такой убеждённой фаталисткой.

– Ты отводишь взгляд и кусаешь губы до крови, чтобы выжить. Твой личный план, якобы позволяющий обуздать вселенную, провалился, соприкоснувшись с убогой реальностью. Собираешься продолжать или всё-таки выберешься из пещеры? Хочешь стать кем-то большим, чем просто телом?

– Хочу, разумеется, очень! Но что же мне для этого сделать? Разве всё настолько просто? Захотел – и вмиг изменился?

– Конечно, нет. Всё совсем не просто. Но и не слишком сложно. Будущее зависит от тебя, и выбор только за тобой.

– Но что, если у меня нет сил, чтобы оказать сопротивление? Что, если моё тело становится больше меня самой? Оно поглощает...

– Позволишь поглотить окончательно?

– А ты мне поможешь?

– Едва ли. Ты же прекрасно знаешь: я могу лишь подтолкнуть, шепнуть на ушко правильные слова. Ты обязательно их услышишь. Другой вопрос – захочешь ли понять?

– Шепни. Я попытаюсь.

– Попытаешься? Почти уверен, что у нас ничего не выйдет.

– Извини, неправильно выразилась. Тогда... Шепни. Я пойму.

– Умница! А теперь – иди.

Печальные клоуны

иглами осени пальцы исколоты,
листья, как струны, оборваны с дерева,
если сегодня мы всё ещё молоды,
завтра у нас не останется времени.

завтра мы будем стоять перед лестницей,
наши грехи сосчитают ступенями,
тихая смерть и покой только грезятся,
мы остаёмся живыми мишенями.

жертвы разлуки с немymi вселенными,
пленники страха, на жизнь осуждённые,
станут героями второстепенными,
богом и дьяволом не сбережённые.

будем, как Бонни и Клайд, рушить правила,
ветер разбудит свидетелей тенором,
а впереди – одиночная камера
с толстой решёткой и крепкими стенами.

здесь друг для друга никто, там – мы копии,
и отражаем судьбу, точно зеркало,

з д е с ь п ь ё м в и н о , т а м – с л а г а е м у т о п и и ,
т е л о з а б ы л о с ь , д у ш а и с к о в е р к а н а .

п а л ь ц ы и с к о л о т ы и г л а м и у ж а с а ,
с т р у н ы с г и т а р ы , к а к л и с ь т ь я , о б о р в а н ы ,
с н о в а н е х в а т и т н и с и л ы , н и м у ж е с т в а . . .

ж у т к о с м е ю т с я п е ч а л ь н ы е к л о у н ы .

Всё уже в нас

А ведь раньше ты улыбалась, милая, раньше ты улыбалась, и не однажды. Осенними вечерами выбегала на улицу, забыв про тоненький плащик и старые кеды, рассеянно перепрыгивала через ступеньки, не замечая, какой безнадёжно длинной была эта лестница, и обнимала ветер. Он, конечно, сопротивлялся, потому что уступать не в его привычках (особенно девам-воительницам, с которыми так страстно хотелось сразиться). И ты боролась, помнишь, ты всегда боролась ради капризных звёзд, танцующих на рукаве одинокого бога. О чём ты мечтала в эти короткие фрагменты испуганного времени, когда твои крылья всё ещё оставались руками? Слишком слабыми для полёта, но достаточно сильными, чтобы не сдаваться.

Ты загадывала желание (вспомнить сможешь ли?), загадывала хотя бы на пару стыдливых секунд соединиться, слиться, стать воплощённым светом. Хотела целовать замёрзшие пальцы мечтателя, щекотать мурашками кожу, шептать мелодией в уши:

– Нет ничего невозможного, слышишь? Нет ничего невозможного. Нет ничего. Ничего. Нет...

Человек не пассивный созерцатель, человек – автор черного сценария. Человек – дилетант, и потому он бывает на-

столько прекрасным (до тех пор пока не начинает переписывать набело). Но ведь тогда ты не поняла, дорогая, ты ведь тогда не поняла подтекста. Когда забираешься слишком высоко – рискуешь не спуститься. И даже если это и есть идейный смысл нашего фрагментарного существования, всему своё время, и время всякой вещи под небом¹². И тогда, и сейчас – уходить слишком рано, поэтому побудь ещё немного земной и помни: всегда есть что-то выше каждого из нас. Может быть, именно то, что временами проплывает и гаснет, и нам ничего не остаётся, кроме как плакать и петь¹³.

Забираясь в свою маленькую ракету, ты надеялась, помнишь ли, ты безумно надеялась на случайную встречу с Гудвином. Сможешь коснуться края одежды фантазёра-мыслителя, охрипшим голосом позвать по имени и попросить... смелости? Но ты же знаешь, волшебники дьявольски хитрые: качают головой, обещая помочь, а на деле переворачивают всё вверх дном. Поэтому вместо желанной смелости ты получила только мысль. Скупую, тревожную и странную, как если бы она и была божественным даром: «Всё уже в нас».

---

¹² из книги Екклесиаста.

¹³ И.А. Бродский «Проплывают облака».

Побег Герды

кто я? узнать бы свой голос среди
грубых и странных чужих интонаций,
реплика в сторону «не подходи» –
зал обойдётся без бурных оваций.

хочешь играть – научись прятать боль,
не украшать мнимой жалостью эго,
зеркало снова разбил злобный тролль,
стали осколки конструктором лего.

вот бы собрать свой обман из частей
разных размеров, кривых и не очень.
глупо надеяться на суперклей:
мир остаётся разорванным в клочья.

я расщепляюсь, отринув мечту,
кожу на пальцах осколками раню,
с гордой насмешкой прими клевету
и никогда не смотри в глаза Каю.

нашу судьбу вскипятит имярек,
поиск отложим до новой эпохи,

я совершаю внезапный побег,
но забываю себя в суматохе.

Остановите время

Каким станет этот мир, если люди узнают, сколько лживых фрагментов отмеряно каждому на прозябание в мрачной пустыне? И вот мы влачимся в ожидании встречи с шестикрылым серафимом и в то же время боимся неизбежности столкновения. Страшно видеть перед собой его нахмуренное лицо: он знает обо всём, что ты однажды похоронил на кладбище неотпущенных грехов.

Представь себе: часы на твоём запястье тревожно вибрируют в минуты, заражённые вирусом тления, напоминая о конечном пункте. Но ничего не случится прямо сейчас, мой дорогой друг. Потерпи или выдохни. Видишь послание на циферблате? Впереди – ещё тридцать дней блаженного несчастья.

Можно отрицать разрушительную силу фатума, опровергать случайные теории и называть их детскими сказками, которые служат для оправдания человеческой беспомощности. Но ведь доказательство здесь, у тебя, на твоей руке. Давай сбросим подвенечное платье метафор и заглянем в эпилог: ровно через месяц ты умрёшь, потому что так решил Автор.

Что ты собираешься делать дальше? Напишешь письма близким людям, ведь попросить прощения вслух не хватает смелости? Ограбишь банк и отправишься в путешествие?

Плохая идея: вдруг не успеешь, поймают, бросят в тюрьму. Придётся томиться в четырёх стенах, ожидая приглашения на казнь.

Слишком много вопросов, обречённых остаться риторическими. Бессмысленно тратить последние дни на поиски того самого кукольника, который, по преданию, владеет ключами-ответами. Просто подумай, что ты сделаешь за несколько шагов до смерти? Говорят, надо стиснуть зубы, сжать кулаки, закрыть глаза и кинуться в пропасть. Наконец-то позволить себе недозволенное. И, может быть, даже ж и т ь.

Но все эти отрепетированные жесты хороши только на театральных подмостках. На самом же деле ты выключаешь свет, потому что он обнажает отчаяние, прижимаешься к холодной стене и обнимаешь колени. Серебряные капли обжигают бледную кожу. Поворачиваешь лицо к окну (в надежде увидеть за стеклом молчаливого слушателя путаных молитв) и, едва шевеля сухими губами, просишь:

– Пожалуйста, остановите время.

Автор и герой

Разрыдается зыбкий туман,
День взорвётся, как хищный Везувий,
Парус чёрен – и гибнет Тристан,
Солнце выхватит меч без раздумий,

Рассечёт эту грязную тьму
В лабиринте чужих отражений.
Отрекайся – я это приму,
Впереди слишком много лишений.

Ты отправишься юность искать
По дороге, проложенной Прустом.
Я снимаю седьмую печать
Ради жертвы больного искусства.

Из идей я построю свой дом.
(Этажей будет ровно семнадцать).
Отравлю тебя горьким вином,
А потом опишу это (вкратце).

Может, просто верёвку возьму
Вместе с мылом и слабой надеждой:

Ты сгоришь в своём бледном аду
Или будешь висеть где-то между.

Что? Ты требуешь пули в висок?
Разве так будет лучше и... легче?
Подсознания бурный поток
Растревожит твой сумрачный вечер.

Точно знаю: в финале убью,
Не имеют значения средства,
Погребальную сделав ладью,
Я тебя приглашу в ней согреться.

Всё исчезнет, останется пыль
Безобразно-прекрасных столетий,
Не найдя бел-горюч Алатырь,
Разрывается надвое ветер.

Между Правью и Навью есть мост,
Ты пройдёшь по нему до развязки.
Я могу подарить коматоз,
(Правда, этот сюжет так затаскан!).

Не топчись на пороге – уйди,
Дверь закрыта и песенка спета,
Автор волен... (но всё же прости!),

Возвращаться – плохая примета.

Чистый лист

Искусство – это топор в руках бесноватой валькирии. Удар звонкий, как пощёчина, и опасный, как жизнь. Убийца врывается в твой дом без стука, на пару секунд замирает у порога, с любопытством осматривается и, наконец, заходит. На светло-коричневом линолеуме остаётся след грязных сапог. Надменная гостья, которую никто не звал (и не ждал), ведёт себя, точно всё, что в скобках и за ними – ложь. Однако ты, околдованный такой простодушной наглостью, стоишь в коридоре, приобняв фарфоровую чашку (наверное, собираешься сказать тост), и – молчишь. Недопитый зелёный чай давно остыл, стрелка на старых часах с тяжёлым вздохом пускается в очередное кругосветное путешествие, но корабль терпит крушение, а несчастный человек снова попадает на необитаемый остров.

Да нет, разумеется, не сейчас, потому что с е й ч а с он здесь – еще не, но уже в – нервно кусает губы и смеётся, гадая, сколько гулких шагов отделяет его от одиночества.

– Стало быть, вежливое рукопожатие? Всё равно ведь пришла... Но она опрокидывает: фарфоровую чашку, томик Лермонтова, кашпо и орхидеи, а ещё... его недалёковидные ожидания. Внезапное объятие – попытка вытащить из слабой груди душу – кричащую, как герой опошленной картины

Мунка. (Лишь бы замолчала – хватит – не то разбудит спящих безумцев). Прикосновение-укол и пронзительное, как вопль раненого волчонка, счастье. Но фикция всё, что ограничивается шелестом её платья.

Он садится на краешек стула, уставшие пальцы вздрагивают, и что-то чужое, но неотвратимо прекрасное тревожит его робкую мысль. Скоро всё стихнет, морщины на лбу вчерашней мечты наконец-то разглядятся – на вот, возьми – чистый лист – пиши...

А потом он, выпотрошенный, рухнет без сил, чтобы танцевать во сне и ловить бабочек до рассвета, пока не набросятся, не свяжут, не начнут пытаться. И хотя давно уже не пророк (верховный судья, махнув рукой, лишил его глупого всеведения, больше нет никакого смысла посыпать голову пеплом, а жить в пустыне ничуть не мудрее, чем в бочке), бешеные камни продолжают лететь в спину. Вирус безобразной ревности заражает онемевшие сердца маленьких тиранов:

– Отрекись. Эй ты, сумасшедший! Лучше это, как его там... дерево роди, дом вырасти, сына построй.

Но ты всё-таки выбираешь с л о в а, потому что они и есть корни цветущей яблони, фундамент для тёплого рая, причина безрассудного рождения...

Story

садись поудобнее, я расскажу тебе story
о юноше с грустной улыбкой и взором скорбящим.
он жил в одиночестве неподалёку от моря
и грезил о храбрых китах и немного о счастье.

у юноши было огромное чуткое сердце,
светило во мгле, как маяк, заплутавшим скитальцам,
но в теле земном его бедной душе было тесно,
и, сколько бы он ни просил, не могла задержаться.

мой мальчик, любивший китов, многих спас от падений,
протягивал руку слепым, защищал беззащитных.
но сам не взлетел – только рухнул без сил на колени
и понял, что он заблудился, а света не видно.

ну как ты? скучаешь и, может быть, ждёшь хеппи-энда?
тот мальчик не встретил китов и уснул беспробудно.
всю ночь он лежал на песке, отпеваемый ветром,
а утром его увезло китобойное судно.

Сон короля

Её звали В ч е р а. Девушку с вьющимися волосами и родинкой на левой щеке. Она возвращалась домой – шла босиком по холодной земле, не боясь простудиться, придерживала подол синего платья из органзы и пела на языке квенья.

«Namárië»¹⁴, – прошептали малиновые губы, и робкая прозрачная слеза скатилась на сжатые пальцы. Девушка держала руки у рта, обжигала дыханием, останавливалась на пару хрустальных секунд и... вдруг сорвалась на бег. Несколько пауз назад она видела небо – так близко, что могла даже рухнуть в его объятия. Но как только поющая незнакомка приближалась, готовясь к решительному шагу, оно отступало и пряталось за равнодушными облаками. Торжественная тишина качала в колыбели измученное солнце. Проход закрыт, небо больше не принимает прикосновений, можете попытаться завтра. Но В ч е р а знала, что никогда больше не повторится. Такое у неё наказание – жизнь длится не дольше полёта бабочки.

Девушка замечает домик на старом дереве, чувствует запах свежееиспечённого хлеба, слышит мелодичный треск костра...

---

¹⁴ Прощай (квенья).

Видит игру теней и даже разбирает несколько весёлых реплик. Но не успевает уловить смысл – падает на дно последнего сновидения.

Кто-то ворвётся в покои спящего короля и с нахальным смехом ударит кулаком по столу. Это З а в т р а – человек в чёрной ветровке, среднего возраста, с поперечной морщиной на переносице. Серебряные нити, притаившиеся в тонких волосах, похожи на коварные паутинки. Он делает слишком много резких движений, и от каждого взмаха рукавом рушится очередная жизнь какой-нибудь испуганной вещи. Суровый мужчина обожает скорость и ненавидит слова. Для него это всего лишь глупые дети, которые слишком слабы, чтобы сражаться за право существования в вечности. Время смахивает ресничку, погибшую на щеке короля. Правитель уже давно ничего не чувствует и не слышит своё п о т р я с а ю щ е е имя – <...>. Правда, его редко произносят вслух с благодарностью...

Лицо короля похоже на портрет, созданный искусным художником, но бледные сухие губы едва ли выпустят из плена хотя бы слог. Юный, прекрасный и бессмертный: он ждёт пробуждения, но В ч е р а не может до него дотянуться, а З а в т р а боится потерять собственную власть и потому притворяется королём для других.

Есть только один способ освободить пленника – наградить покоем поющую девушку и перехватить руку человека в чёрном, чтобы не успел ничего разрушить. Но для начала надо

найти иглу, которая прячется в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце, заяц – в сундуке, а сундук – в голове каждого homo cogitans¹⁵.

---

¹⁵ Человек мыслящий

Не в ритм

запутанные мысли рассыпаются как соль,
морозной ночью прячется обманщица-луна,
и брошенная ночь уходит в лютую юдоль,
безжалостно сжигает свою летопись дотла.

а я смотрю на стёкла и рисую спящих птиц,
дыхание разрушит сон, рассеется мираж,
избавимся на время от ежовых рукавиц
и превратим свои тела в заснеженный пейзаж.

ты знаешь, я люблю сходить на цыпочках с ума,
влюбляться в чистоту идей и петь в стихах навзрыд,
мой бедный джинн забыл меня, в кувшине задремав,
узнав моё желание, беспомощно молчит.

пожалуйста, спаси мою планету от беды,
настрой сердца, как старенький разлаженный рояль,
и два пути извилистых нечаянно сведи
да подари несчастным душам предрассветный май.

я больше не играю в этот кукольный театр,
смирюсь с неизбежным и за хвост ловлю судьбу,

меня из списка лиц до самых титров исключат,
и я шагаю с жизнью, но не в ритм, а наобум.

Ведьма

Сегодняшней ночью ты должна умереть. Ведьмам здесь не место, и ты это знаешь. Ты и сама всё прекрасно знаешь; твоя жизнь, выжженная на теле планеты, как клеймо, превратилась в круговорот повторяющихся сюжетов. Отсюда не выкарабкаться, не выплыть: твоя прозрачная рука кидается в небо, но застывает над серебряной водой. Снова отвергли, выгнали, не пустили: *acta est fabula*¹⁶, и такова судьба.

Когда ты переродишься, то будешь ощущать, к о ж е й ощущать дыхание дерзкой скорби, на раковине будущего останется ржавчина прошлой жизни. Ты никогда не сможешь вытравить из себя ведьму, ни мышьяк, ни корень цикуты не помогут; ничто не расколется на куски её эго.

Но ты ничего не вспомнишь, дорогая, ты ничего не вспомнишь. Будешь держаться н а д-, опасаясь смотреть п о д-. В дольном мире, быть может, немного тесно и зябко, ты вяжешь кофту, прячешься под одеялом, берёшь в руки кружку с лимонным чаем и обжигаешь пальцы, но всё-таки замерзаешь.

А вдруг Т а м
ещё холоднее?

---

¹⁶ Пьеса сыграна.

(Длинный коридор, затонувший во мраке, и выщербленная лестница из семи ступеней).

Приговорённая к казни, ты до сих пор жаждешь жизни, но всё произойдёт так, как и должно быть: как предначертано, записано в древней летописи. Ты уйдёшь, забрав с собой печаль и ужас, царапающий горло за миг до...

Прежде чем раствориться в пламенном потоке, посмотри Ему в глаза. Вот Он прямо перед тобой: Тот, кто ни разу не спас тебя и никогда не спасёт. Ты будешь сталкиваться с Ним в каждом своём воплощении, и если станешь бабочкой, то Он – безжалостным коллекционером.

Он читает твой приговор *hic et nunc*¹⁷: этот голос ни разу не дрогнул, кривая ухмылка змеится на губах. А ты Его всё-таки любишь, ненавидишь и любишь, и даже через несколько веков продолжишь любить П р е д а т е л я.

Лучше беги.

Беги и не смей оглядываться, помни про соляной столп, Орфея и Эвридику...

чёрт возьми, просто помни:

Он и есть твой г л а в н ы й источник боли.

На площади собралось так много псевдосapiens.

Они пришли сюда, потому что их души-пиявки требуют хлеба и зрелищ.

Смотрят на твои босые израненные ноги, наблюдают за тем, как тебя забивают камнями,

---

¹⁷ Здесь и сейчас.

сами поднимают вверх

тот, что потяжелее...

И червь удовлетворения грызёт их пластилиновые сердца.

Даже после воскрешения тебя не оставят в покое:

снова и снова твоя спина будет мишенью,

а люди продолжают игру в дартс...

вот только дротики слишком острые.

И тогда ты почувствуешь

отвратительно горький вкус

пилюли человеческой ненависти.

Неужели ты всё ещё хочешь

ж и т ь,

жить через боль?

Ведь если только попросишь, закроешь глаза и шепнёшь

– я помогу тебе.

Дарю вечное забвение – и больше никогда не придётся
блуждать по мирам.

Но ты снова

ты снова

снова

ты

выбираешь

ж и з н ь.

Человеком мне быть...

человеком мне быть,
человеком всего лишь,
не богом.

в пьяном шёпоте капель услышать стук герцев

беги.

убегай от штампованных фраз и глухих диалогов,
убегай раньше, чем ты захочешь кого-то спасти.
да не верь тем, кто руки внезапно раскрыл для объятий,
потому что внезапность раскрошится, как школьный мел.
и бессмысленно спорить о том, кто из нас виноватей,
просто будь благодарен за то, что опять уцелел.

превращённая в камень рыдает святая Ниоба
(а ей стоило только следить за своим языком
и держаться подальше от страстных божеств,
ведь их злоба
обливает иных
н е н а р о ч н о
крутым кипятком).

обжигай.

finis coronat opus¹⁸.

давай всё разделим

на «своё» и «чужое», «твоеё и моё»

и сбежим

друг от друга подальше, ведь я притерпелась к потерям,

да и ты с а м о л о м а н ы й автор абсурдных причин.

человеком мне быть, а не сверх-

человеком

всего лишь!

не пытаться бездумно кого-то (от жизни?) спасти,

строя мост для других, всё равно только стены возводишь

между душами бледных пылинок.

мы тоже

среди

---

¹⁸ Конец венчает дело.

Разговор с Богом

Привет, будем знакомы, рад пожать твою громадную жилистую руку. Наверное, весело наблюдать за моим ослабевшим телом в чёрном плаще с продранными локтями? Ладно, так уж и быть, садись. Будешь зелёный чай? Сядь и послушай исповедь одного безумца.

Я всего лишь пристыженный обломок разбитого троллями зеркала. Не отражаю, а искажаю лицо нашей ошеломлённой жизни. Однажды придётся вернуться: нас найдут, соберут и склеят. А пока не будем опережать события и упрямо продолжим своё броуновское движение.

Скажи, громаднорукий, а ты по кому-нибудь скучал так, что не мог дышать? И вроде бы хватаешь губами воздух с жадностью волка, разрывающего добычу, но всё равно теряешь сознание?

Иногда мне кажется, что я воспалённая гланды, заражённый безумием мозг или злокачественная опухоль. Обугленный мир внутри моей безобразной плоти разрушается со скоростью, превышающей столкновение мыслей в вакууме.

Смотри, эта женщина (как бишь её? Валентина, Алевтина? Нина?) шепчет на ухо реплики, вырванные из контекста очередной комедии дель арте. Когда я чувствую прикосновение её сухих губ на щеке, во мне извергается Везувий, но я

учусь растягивать рот так, чтобы выходило подобие улыбки.

А ведь с Той всё было по-другому: я знал каждую татуировку на её теле и сохранил все стикеры, которые Она приклеивала к холодильнику по утрам. Но, знаешь, я кое-что понял: как только сокращаются дистанции, конец становится неизбежным.

Ночь вспарывает кинжалом тишину – такую же мягкую, как живот самурая, а я продолжаю плевать метафорами и вспоминать... Момент своего рождения, когда ты наклонился над моим ухом и шепнул что-то о предназначении новорожденного глупца.

Да, я собирался стать дерзким марателем бумаги и хладнокровным изобретателем парадоксов, но тропа оказалась слишком извилистой, и путник сбился, застигнутый врасплох солнечным затмением. Теперь сдаю ежедневные нормативы: – Макс, нужна статья на 3000 знаков. Про благоустройство дачных участков. Срочно, Ма-а-акс!

*Faut cultiver son jardin*¹⁹.

(Похоже, старик Вольтер однажды украл мою идею).

Ну что, дружище, будем прощаться? Я знаю, ты придёшь ещё раз, в последний день моей личной Помпеи. Скажешь, что мой острый язык ядовитее цикуты, а несчастный верблюд так и не протиснулся в игольное ушко. И ещё, что мои *verba volant, no scripta*, увы, не *manent*²⁰.

---

¹⁹ Надо возделывать свой сад.

²⁰ Слова улетают, написанное остаётся.

Закрываю дверь, подхожу к окну и вижу, как луна обгладывает кости ослепших надежд.

В толпе

Забирай свой осколок голодной луны,
Слишком длинную жизнь закатай, как рукав,
Из ловца убегают безумные сны,
Сердце просит покоя, кошмары прокляв.

Только, друг мой, ещё не пора. Подождём.
Пусть ругается жадный близнец-крысолов.
В детстве нам запрещали играть с огнём,
Но запреты придуманы для слабаков.

Как и прежде, «высокое племя» пропёт
Свою честь и ненужную доблесть за час.
Ты был дьявольски занят всю жизнь напролёт,
Но при этом доволен... пока не угас.

Ты роптал на судьбу, но что дал ей взамен?
Жил как клещ. Не делился, хотя получал.
Собирался стать Богом, а вырос никем.
Вместо кроткой улыбки – звериный оскал.

Никогда не любил. Обручён с пустотой.
Доживёшь бледный век, спрятав душу в чехле.

Мир несётся галопом – ты едешь рысцой
И когда-нибудь просто исчезнешь в толпе.

Мне очень жаль

После пробуждения мир за стенами больничной палаты казался мне враждебным. Неуверенными шагами, то и дело останавливаясь, я добрался до подоконника, скользнул пальцем по запотевшему стеклу и повёл плечами. Сколько времени прошло с тех пор, как меня, подобно Прометею, приковали к кровати-скале, не оставив надежды на скорое освобождение? Правда, люди в белых халатах продолжали жонглировать фальшивыми обещаниями на глазах у моих родственников. А те, разумеется, переживали за сына-внука-племянника, который может никогда не вернуться из соловьиного сада, не в силах сопротивляться магическому притяжению «незнакомого счастья».

Наверное, на мою безжизненную руку падала иногда чья-нибудь горячая слеза. Охрипший от бесконечных рыданий голос читал мне трагедии Шекспира и сказки Андерсена, зная о моей беззаветной любви к несчастной Офелии и девочке со спичками... Никогда не мог простить творцам их жестокости и собирался написать собственный роман. Я пообещал спасти всех тех, по кому скорбит преданная читательская душа.

Бессердечная судьба на пятнадцать лет выключила меня из жизни. Не нужно было подходить к зеркалу, чтобы уви-

деть поблѣкшее отражение. Я и так понял, как выглядит моё бракованное тело, когда передо мной появилась она – седая угрюмая женщина с тусклой улыбкой. Пришла, чтобы укутать меня одеялом и оставить на лбу вежливый поцелуй. Хотел назвать её имя, но осѣкся, потому что в дверь постучали и через несколько мгновений на пороге показался длинный тощий человек с выжженными глазами. Он подарил мне скупое приветствие и слегка сжал пальцы, а потом перевёл взгляд на усталую женщину с сухими губами и бросил ей грубый упрѣк. Тогда я склонил голову и, сбиваясь, путаясь, пробормотал что-то маловразумительное – попросил оставить меня в покое.

Они ушли, а я всё ещё слышал, как ругалась в коридоре эта несчастливая семейная пара – мой лучший друг и моя любимая, которые отныне стали для меня незнакомцами.

Когда я проснулся через пятнадцать лет всё в той же больничной палате, мир за её стенами превратился в заклятого врага. И я не мог не предчувствовать тлетворное дыхание жестоких новостей. Я больше не хотел возвращаться, да и куда?..

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла²¹.

Рассмеялся: с каждой новой минутой жизнь всё больше

---

²¹ А. Блок «Соловьиный сад».

походила на фарс. Я ещё помнил чужие слова и сызнава учился писать на тетрадных страницах. Но где же теперь мои, собственные? Неужели потерял, оставил в том соловьином саду, где был таким желанным гостем?

За спиной скрипнула дверь. Я не обернулся. Она позвала меня:

– Саша, мне очень жаль...

Луна догорает, как спичка в руках пилигрима...

луна догорает, как спичка в руках пилигрима,
я спрятала звёзды в широком кармане плаща,
и сердце моё – Нагасаки, душа – Хиросима
дрожат в ожидании атомных бомб палача.

в руках пилигрима – бессовестно нежное солнце,
в кармане плаща замирают мои облака,
любое решение будет теперь судьбоносным,
а время не дремлет, держа пистолет у виска.

бессовестно нежное солнце растопит всю наледь,
мои облака приведут меня снова домой,
мой старый корабль уже рядом и скоро причалит,
он бури не просит, ему нужен только покой.

всю наледь с поверхности памяти снять постепенно,
домой до рассвета вернуться смертельно усталой,
но всё-таки сильной и, может быть, в меру смиренной,
всё рушится, но мне не жаль своего идеала.

и снять постепенно всё то, что уже не подходит,
смертельно усталой судьбе дать ночлег и хлеб с солью.
ты смотришь на небо и видишь, как солнце заходит,
как будто бежит из тюрьмы, вырываясь на волю.

Бесы на воле

Если всякий конец – это новое начало, то любой страх обесмысливается, превращаясь в горстку пыли на подоконнике жизни. Посидим сегодня у камина в вязаных свитерах и поиграем на струнах молчания. За окном поскрипывает зубами морозный ветер, а мы прячемся от холодов и пьем целебный нектар из пиалы вечности. Вспоминаем о далёком летнем дне, когда солнце качало проснувшихся птиц на рыжих волнах. Вот оно, возвращённое: время приветствовать утро и время прощаться с неизлечимой ночью. Время переступить грань и не оглядываться назад. Не стоит слишком заботиться о собственном бытии... Всё равно оно не длится дольше мгновения, а душа замирает в крепких объятиях неизбежного забвения.

Давай выпустим бесов на волю и потанцуем вместе, пока не закончился наш последний день.

Здравствуй, юность...

Минус двадцать в области сердца
И стеклянный бессмысленный взгляд;
Нам уже не вернуться в детство
И не взять, как коньки, напрокат.

Остается поставить будильник
И ворочаться ночью без сна,
Был когда-то мечтателем циник,
Надевающий маску с утра.

Выбираем улыбки для встречи,
Интонации, жесты, слова,
Тяжело: слишком давит на плечи,
Но молва, как морская волна.

Только вспомни, ведь ты был свободен:
«Пусть другие зудят о своём!»
Не тревожился о непогоде:
«От потопа друг друга спасём».

Не спасли, разошлись и забыли,
Рубят лес – мы, как щепки, летим,

Просто выросли, стали другими...
здравствуй, юность, давай повторим?

Вопреки правилам

В детстве нас учили не подглядывать за взрослыми, не читать чужие письма и не подслушивать разговоры. А мы всегда поступали вопреки правилам, нарушали запреты и танцевали на углях неистребимого любопытства, даже не замечая ожогов. Проказничали, зная, что никто не отругает, а только погрозят пальчиком и попросят никогда больше так не делать. Вот почему мы заглядывали в щёлочку, распечатывали конверты, прикладывали стакан к стене, чтобы лучше слышать ругань соседского парнишки с родителями. Нам безумно нравилось играть в прятки, но мы всегда ждали, что нас кто-нибудь найдёт. А сейчас?..

Подглядывать? Чёрт возьми, делайте всё что угодно, только не трогайте, не обжигайте уши своим тлетворным дыханием. Читать? Мы давно разучились извлекать смысл из небрежно раскиданных строк. Пробегаем по диагонали, отвергнув страницы и возвеличив экраны, и тотчас же забываем. Подслушивать? Без этого никуда: люди беспрестанно отравляют пространство ядовитыми сплетнями. Надеваешь наушники всякий раз, когда выходишь на улицу, чтобы на время забыть о неизлечимой глупости *homo loquens*²². Лю-

---

²² Человек говорящий.

ди так много говорят... но умеют ли слушать? Едва ли смогут выучить наизусть паузы между собственными репликами, чего уж говорить о чужих...

Однажды весёлая девочка в белом платье назвала Вселенную воплощением вечности. Но любое явление принимает подлинное обличье только после высказанного вслух слова. Сначала оно было бесплотным, всего-навсего дыханием, растворённым в морозной свежести завтрашнего дня. А потом появилась короткая фраза, которая и стала первоосновой для монолога. Превратится в диалог или осядет пылью на сгорбленных плечах утомлённого пилигрима? Когда не останется ничего, кроме одиночества, до-монологическое слово вырвет тебя из тьмы, дабы показать свет. Точно выдержишь, не ослепнешь? Шагни, если хочешь приглушить страх. Вслушивайся в звуки-призвуки взбалмошного сердца. Помни: если откроешь двери нараспашку, то окажешься внутри полифонического романа.

Не надо. Не хочу. В детстве учили, что подслушивать плохо. У всех свои секреты (зачем же так громко кричать?). Мы утратили прежнее любопытство, потому что нарушенные запреты оказались обманкой, а за гранью нет ничего сколько-нибудь важного и устойчивого. Ты становишься взрослым, когда вдруг понимаешь: твой протест ненастоящий, твой бунт – игрушка, брошенная в старый сундук за ненужностью.

Тебя принуждают видеть. (Можно ли ненадолго выключо-

чить зрение?)

Тебя принуждают читать. (Штампованные строки стирают искренность).

Тебя принуждают слушать. (Ежедневно, без права на отдых).

В этом шумном мире почти совсем не осталось тишины.

Гостья

Слышишь ли пение шумных ветров,
Знаешь ли, сколько падений до рая?
В двери стучу, но везде я чужая.
Трудное дело – искать себе кров.

Вечером сядем с тобой у костра,
Пламя не греет, гитара не дышит,
Звуки бегут, как пугливые мыши,
Как в тишине нам дожить до утра?

Ты снова спрячешь растерянный взгляд,
Блеск обещаний становится пылью,
Выключим память, как скучные фильмы,
Мы незнакомцы. Идём наугад.

Я не скажу тебе злое «прощай»
И «не люблю», «это было ошибкой»,
Старая книжка с красивой картинкой
Снова напомнит тебя невзначай.

Обречены на забвение сны,
Мы неизбежно друг друга теряем,

Музыка гибнет в неистовом лае,
Выстроим стены – разрушим мосты.

Ты словно пленник танцующих фей,
Я будто гостя на дальней планете,
Не приручил – потому не в ответе,
Путь впереди ненамного длинней.

Стать

Стать путеводной звездой,
сияющей на вершине опечаленного неба,
прогонять внезапную тихую грусть,
танцевать над чужой ладонью-тропой,
дразнить возможностью притяжения,
но не уступать,
не падать –
взлетать,
сталкиваясь лицом к лицу с задумчивыми ангелами в
светлых одеждах,
умолять простить раскаявшегося грешника,
согреваться молчанием, как тёплым объятием,
но не сгорать –
дремать под колыбельные песни мудрой и величавой лу-
ны.

Стать маяком,
освещающим дорогу тому, кто устал бороться;
выжившему после кораблекрушения
совсем не просто оставаться человеком,
и хочется только выбраться из тюрьмы,
спрятаться от жестокого надзирателя-совести,

замереть в блаженном неведении...
возвращайся, путник, не становись беглецом,
помни, что трусость – самый страшный порок,
просто продолжай упрямо идти вперёд,
направляемый моим робким светом.

Стать любовью и
той самой чистой красотой,
которая живёт в сердце спящего гения
и до пробуждения остаётся идеей,
верить, что наши желания
не тождественны нашим стремлениям
и мы не настолько безобразны,
чтобы идти на поводу у страсти,
способной погубить даже дьявола.

Стать мимолётной вспышкой,
целительным озарением,
которое защитит свернувшуюся в клубок вселенную
от обманчивого обаяния очередного
построенного из песка идеала,
дабы не погубить истину:
безупречно несовершенное
и несовершенно безупречное.

Всё проходит

Ты говоришь, что никогда не сможешь выбросить воспоминание в мусорную корзину забвения. А хотелось бы кинуть в чай, как сахар или лимонную дольку, чтобы безжалостно раздавить ложкой. Сначала ты веришь каждому слову, вырванному из уст каменного ангела, и смотришь, как оно катится по столу, подобно звонкой монете. Можно позволить упасть на землю или поймать, спрятать да иногда доставать из кармана.

Но время – действительно лекарь. Едва ли гений, но, несомненно, подающий надежды мастер. Всё-таки оставляет шрамы, зато виртуозно поглощает боль. Сердце, поражённое долгожданной пустотой, больше не считает шаги в томительном ожидании чуда. Кто может стать более чужим, чем тот, кого ты <...>? Всё, что когда-либо существовало между причиной и следствием, осыпается листьями с Мирового дерева.

Однажды посторонний из лабиринта становится для тебя безнадёжно родным. Но счастье, как пропущенный звонок, мстит гордецам, дерзнувшему обмануть упрямый замысел. Так родственная душа снова превращается в чужака – быть может, ещё более чужого, чем прежде, до опасного столкновения в рамках одного сюжета.

Здравствуй, незнакомец! Я всё ещё могу вспомнить твою

рассеянную улыбку, встревоженный голос и свет, который излучала душа в страстном желании кого-нибудь спасти. Но шелест моей памяти не позволяет воскресить себя – чудачку, плывущую на самодельной лодке к необитаемому острову за исцелением и покоем. Всё, что некогда казалось важным, размывается, как дороги после дождя. И когда ты садишься в первую попавшуюся машину, то не помнишь, куда отчаянно стремилось ненадёжное сердце всего несколько остановок назад.

Иногда, конечно, тоскуешь, забираясь с ногами в старое кресло, но едва ли можешь объяснить природу этой нечаянной тоски. Точно знаешь: она появилась задолго до твоего рождения. Всё отцветает и блекнет, заканчивается последняя глава. Ты добровольно надеваешь оковы с хитрыми стрелками и считаешь минуты до окончательного уничтожения текста. Не все мы герои, но все – персонажи, и после распада осядем на дно чужой памяти. Разумеется, не навсегда, ведь всё проходит и всё забывается, а невозможное становится неизбежным.

Игра в шахматы

пешка падает замертво: сделай свой ход –
и тебя хладнокровная вечность сотрёт.
ты уродлив, как память, смешон, как молва,
словно глупый зайчонок, попался в капкан.

и тебя не спасут подорожники снов,
потому что ты знаешь, что мир не таков.
только мир – симулякр, человек – персонаж,
демиург! ты нам всем по заслугам воздашь,

я всего лишь твой пленник в оковах судьбы,
но вскочил гордый конь подо мной на дыбы,
возрождаюсь из пламени злу вопреки
и рисую небрежно свой круг от руки.

от руки я рисую пылающий ад,
а Вергилия нет: я пойду наугад,
кто-то хочет помочь мне и машет платком,
он кричит, что избавит от тесных оков.

но замкнула я слух, чтобы слышать себя,
доживаю свой век, никого не любя.
никого не любя и отвергнув друзей,

я смогу защититься от новых потерь.

посмотри: эта пешка не станет ферзём,
а твой ход неудачен, судьба ни при чём,
этот выбор ты всё-таки делаешь сам,
получается плохо, с грехом пополам.

О счастье

счастье не длится дольше секунды.
с унылой покорностью разматывается
клубок причин и
спешит сбить с дороги
доверчивого скитальца.

недостаточно времени, чтобы
схватить идею за хвост, и невозможно
сломать сопротивление,
как грифель карандаша, сжатого в твоих руках.
мы пытаемся удержать мимолётное, принимая ложное за
истинное, но

в конце концов понимаем, что всё это глупости, очередная
досадная ошибка,

и человек напротив – чужой, и давняя мечта ничтожна,
да и сама жизнь не греет вовсе,
как будто на нашей планете отключили отопление
за отказ платить по счетам.

охотишься за воспоминаниями,
складывая одно за другим в ягдташ,

хочешь обесценить риторические вопросы,
понять: а было ли оно, настоящее?
морщинки в уголках глаз –
верные спутники искренней улыбки –
хотя бы однажды заглядывали к тебе в гости?
или твоя душа никогда не смеялась,
носила вериги и отравляла тело выученным притвор-
ством?

(сердце, говорят, распахнуть следует –
другую щеку подставить,
когда только по одной бьют,
не проклинать врага злейшего,
глаза кукле вуду не протыкать,
помнить, что человек – это где-то посередине
между Богом и Дьяволом).

значат ли что-нибудь слова любви,
произнесённые твоими устами?
сердце молчало,
заражённое неизлечимой болезнью тишины,
когда лживые уста
зажигали в длинных чужих коридорах
тусклый свет надежды...

незнающим счастье не дано.

а знает ли
хотя бы один из нас –
блаженный дурак
с простуженным духом –
что делать с ним, из милости дарованным,
прыгнувшим прямо в ладони
пламенным сгустком незрячей свободы?
неведение давно постыло,
но довольно преумножать уставшую скорбь,
которая и сама жаждет покоя.

как проклятый гений,
теряешь равновесие на ступенях
выщербленной лестницы
и, не покаявшись,
ждёшь прозрения.

счастье не длится дольше секунды,
сорванный цветок увядает,
пойманная бабочка гибнет,
единственное, что остаётся, – заполнять
пробелами
свою
непокорную
судьбу.

Мечта

Ты просыпаешься ранним утром, ещё не согретым лучами ласкового солнца, и тянешь ладони к запотевшему стеклу. Бледный кусочек неба похож на сладкую конфету, которую хочется сохранить до заката, пока не разойдутся по тесным норам утомлённые зрители. Их никогда не учили делать реверансы перед восторженной публикой, они лишь шумят аплодисментами, как озябшие деревья, и кутаются в вымысел, точно в листву... Но она не греет, и ничто, в сущности, их здесь не согреет, кроме пламени, разгорающегося под толстой кожей. Правда, какой в этом смысл, если он никогда не вырвется наружу, навеки запертый на засов в аду?

Ты улыбаешься – разжимаешь пластилиновые губы, чтобы слепить надежду – обрётённая искренность рождает свет в одиноком окне твоего сердца. Не хочешь уподобляться тем, кто играет на водосточных трубах, воображая, что это флейта; ищешь своё, неповторимое, звучание и с восхитительным упрямством ходишь по извилистым тропам. Кто знает, какая из них приведёт к пункту назначения? Но не есть ли это блаженное небытие – чудовищная выдумка заблудившегося астронавта?

Ты откидываешь лоскутное одеяло, в образе которого можно увидеть всю нашу неудавшуюся жизнь, садишься за

письменный стол и растерянной рукой разбираешь капризные истории на пазлы. Лимонная долька засыпает в чашке с обломанной ручкой. Твой недопитый чай тоже напоминает сценарий, лишённый развязки. Ты обожаешь нарушать правила и искажать контуры чужих мыслей: ведь если они принадлежат твоим героям, значит, уже не принадлежат тебе.

Набрасываешь карандашом спящую бабочку и задумчиво обводишь крыло. За окном застывает на скользких крышах упрямая невесомость. Чей-то звонкий голос празднует всеобщее пробуждение, и ты больше не сопротивляешься притяжению необузданного хаоса.

Распахиваешь окно и закрываешь глаза, представляя, как танцующий ветер пробирается по мурашкам в твоё освобождённое тело.

Творец рисует священные руны на прозрачных запястьях. Солнце оставляет на ключицах первые робкие поцелуи. Теперь ты слышишь этот приглушённый стук в дверь? Открывай: вернулась твоя по-детски смущённая и безукоризненно счастливая Мечта.

Impression

В полудрёму погружаясь,
Я скольжу по граням неба,
Удержаться не стараясь
На ракушках облаков.

В мире за чертою – рае –
Ты ещё, конечно, не был,
Но увидишь, засыпая,
Хороводы мотыльков.

Духи звуков лижут воздух,
Как медузы греют волны,
А повыше – пляшут звезды
С вертолётными людей.

И луна рождает грёзы
В подсознании всех сонных,
Ветер пахнет, точно розы
В вазе вспыхнувших огней.

Если бы

Если бы можно было встать босиком на не остывшие ещё ноты и услышать сердцебиение слабой надежды

Если бы можно было пройти через игольное ушко нищему, чтобы
стать богатым духом, получив шанс на скупую любовь ближнего

Если бы один уставший путник мог однажды встретить другого, чтобы пробудить спящего феникса

Если соединятся провода душ, столкнувшихся неожиданно в пространстве и времени, чтобы стать порождением взрыва повседневного безразличия

Если забыть на пару секундных мгновений о правилах и энциклопедиях, заставить мыслить себя, а не бубнящего внутреннего зверя, покрытого язвами подражания

Если обучиться искусству говорить «нет», когда твоё сердце не слушается и не распознаёт оттенки чужого назидательного тона

Если разрешить себе рисовать на стёклах сегодняшнего дня чернилами завтрашнего, предвосхищая и раскрывая подтексты

Если не спать несколько часов, бесследно растворяющихся в небытии, и ходить по дремлющим коридорам круглого мира, пока другие считают овец, сбиваясь со счета и закрывая отяжелевшие веки...

Можно вычеркнуть лишние строки из эры кайнозоя, чтобы перенестись в другую, и, подобно Адаму-нарекателю, назвать самому, научившись произносить главное шёпотом

Можно прекратить сопротивление, чтобы достичь якобы недостижимого равновесия и замереть от прикосновения мотылька

Можно попытаться задержать крылатого в ладонях, чтобы вдруг выпустить и одновременно вырваться самому, поняв цену свободного мореплавания по куплетам жизни, которые исполняются тенором нашего поколения.